

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»
Институт экономики и управления**

Социально-политические процессы в меняющемся мире

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

ТВЕРЬ 2018

УДК 323(100)(082)
ББК ФЗ(0),41
С69

Научный редактор
кандидат исторических наук, профессор В.П. Гавриков

Рецензент
доктор философских наук, профессор В.А. Михайлов

С69 Социально-политические процессы в меняющемся мире:
Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.П. Гаврикова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018.
– Вып. – 18. – 98 с.

ISBN 978-5-7609-1398-2

В сборнике представлены научные статьи аспирантов, преподавателей, сотрудников вузов Твери и Тверской области, посвящённые актуальным социально-политическим процессам современного мира.

Рекомендуется аспирантам и студентам обществоведческих направлений подготовки, всем интересующимся данной проблематикой.

УДК 323(100)(082)
ББК ФЗ(0),41

ISBN 978-5-7609-1398-2

© Коллектив авторов, 2018
© Тверской государственный
университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н.Н. Козлова, Ю.А. Монахова Гендерные аспекты политической культуры: обзор научных исследований российских политологов	4
Н.А. Белякова, В.И. Успенская Новое женское движение в постсоветской России	10
А.С. Микиша, В.И. Успенская Проблема представленности женщин в органах власти	18
А.А. Гродь, О.В. Ковалева Гендерная политика в странах Восточной Европы	24
А.И. Конфоркина Софья Панина: женская и политическая судьба	29
А.К. Чуракова Концепт «новой женщины» в теории женской эмансипации К. Цеткин и А. Коллонтай	34
И.В. Бутузова, И.В. Собранская Специфика информационных войн в постиндустриальном обществе	39
А.Н. Бацын Взаимодействие государства и гражданского общества в России: теоретический аспект	44
О.В. Ковалева, Г.Т. Курбанова Общественная палата Российской Федерации в пространстве политического управления	48
А.О. Илюшин Концептуальное осмысление и практическое использование концепция политики мягкой силы в КНР	55
З.А. Гаджиев, В.П. Гавриков Стратегические вызовы национальной безопасности РФ в условиях современного миропорядка	59
Ф.Л. Киракосян Цветные революции в концепции Джина Шарпа	63
М.С. Бородина Воспитание толерантности у подростков: формы и методы работы	69
К.В. Константинов Особенности формирования «путинской» политической элиты	73
И.А. Конфоркин Политико-правовые и экономические аспекты лесного браконьерства	79
В.А. Калтайс Группы давления в концепции М. Дюверже	83
Р.Т. Курбанов Государственная политика в сфере малого и среднего бизнеса в России (2010-2017 гг.)	88

Н.Н. Козлова, Ю.А. Монахова

Гендерные аспекты политической культуры: обзор научных исследований российских политологов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется вклад российских политологов в исследование гендерной политической культуры, рассматриваются монографии ведущих отечественных ученых С.Г. Айвазовой, О.А. Ворониной, Т.Б. Рябовой, Н.А. Шведовой, статьи О.Г. Овчаровой, А.А. Гнедаш, В.И. Успенской и др.

Ключевые слова: гендерная культура, гендерные стереотипы, гендерные исследования в российской политологии.

Термин «гендер» стал активно использоваться в российском социогуманитарном знании с конца 1980-х – начала 1990-х годов. В целом гендерные исследования прошли ряд этапов в своем развитии [21, с. 5] и в настоящее время представляют собой межотраслевое проблемное поле, в рамках которого изучаются институциональные и неинституциональные аспекты гендерных отношений [20; 22; 23].

Среди неинституциональных факторов, формирующих гендерную систему, наиболее значимой темой является политическая культура, ее гендерные аспекты.

В работах Н.А. Шведовой [62; 63; 64] основательно разработан гендерный подход как анализу политической культуры. Российские исследователи анализируют различные аспекты политической культуры – язык [17; 33; 34; 56; 57], дискурс [30; 45–48], символы [39; 40], ценностные ориентации и установки [3; 31; 36; 37], каналы и механизмы политической социализации [24–25; 32; 60–61; 65]. Однако основной акцент учёные делают на изучении гендерных стереотипов.

В работах О.А. Хасбулатовой [59], Т.Б. Рябовой [43], Г.А. Ельниковой [10], О.В. Красильниковой [26], Е.А. Соколовой [55], и др. [5; 19] отражены результаты проведённых учёными социологических опросов, контент-анализа российских СМИ.

М.М. Гулиева, анализируя российскую политическую культуру, приходит к выводу о негативном отношении граждан к феминизму как основе политике гендерного равноправия [9]. С.С. Скорнякова и О.С. Селиванова рассматривает трансформацию патриархальных гендерных стереотипов как один из индикаторов демократизации политической культуры и развития гражданского общества [53; 54].

Многие исследователи отмечают тот факт, что в сфере принятия решений, гендерные стереотипы оказываются достаточно жесткими и труднопреодолимыми [18; 58], полагая, что жёсткие стереотипы – частное проявление присущего российскому обществу традиционализма [27; 28].

Самым значительным событием в последние годы в академической среде, связанное с изучением гендерных стереотипов в политике, стало исследование

Т.Б. Рябовой [42], в котором исследованы функции, свойства и содержание гендерных стереотипов, позволяющие им стать ресурсом власти в современном российском обществе, причиной делегитимации женщин и женственности в политической сфере общества. Т.Б. Рябова рассматривает гендерный дискурс как оружие политической борьбы, как средство политической мобилизации, как ресурс «создания гендера» [44]. В дискурсивном поле также выполнены исследования Н. Жадановой [11], и М.И. Мирошниченко [29].

В работах Н.А. Завершинской исследуются гендерные метафоры в медийном пространстве и гендерные структуры памяти в современной российской политике [12; 13]. Е.Н. Иванова [16] подвергает разбору роли, которые отводятся женщинам в политической карикатуре, выделяя такие категории, как «обыкновенная женщина», «женщина-символ», «феминизированный персонаж», «политический шарж».

Ряд работ, посвящённых гендерной политической культуре, выполнен на стыке политологии, этнологии, культурологии. В работах Т.Б. Рябовой, О.В. Рябова и др. анализируется смена содержания стереотипных представлений о мужчинах и женщинах в случае обозначения дополнительных этнической принадлежности объектов стереотипизации [5; 38; 49–52]. А.А. Гнедаш проводит оригинальное исследования online пространства, приходя к выводу о насыщенности его гендерными стереотипами [7; 8]. В целом выводы исследователей относительно гендерной специфики российской политической культуры заключаются в том, что она является глубоко архаичной [4; 14], сегменты культуры носят разнонаправленный характер [1; 2] и обладают высокой степенью гендерной конфликтности [15]. При этом Л.Н. Попкова отмечает, что современная российская культура ставит перед женщинами невыполнимую задачу: ориентирует их на безусловное соблюдение традиционных женских ролей и профессиональной занятости вне дома, из чего следует, что в такой жёсткой культурной рамке сфера политики для женщин становится малодостижимой [35].

Таким образом, всесторонний и разноаспектный анализ гендерных аспектов политической культуры дает мало оснований для оптимизма в плане достижения гендерного равенства в российской политике.

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Гендер и власть в современной России (к продолжению дискуссии) // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Иваново: ИвГУ, 2002. Ч. 1. С. 80–84.
2. Айвазова С.Г. Гендер и российская политика: гендерный конфликт макро- и микроуровневая власти // Гендерные исследования. 2004. № 10. С. 87–97.
3. Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. Женщины на randevу с российской демократией / <http://www.owl.ru/win/books/democracy/part1.htm>.
4. Воронина О.А. «Английский рецепт» для российских гендерных исследований // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 174–178.
5. Воронова Л.В. Репрезентация женщин-политиков в СМИ: путешествие в выдуманый мир // Меди@льманах. 2009. № 1. С. 48–56.

6. Воронцова Е.О., Рябов О.В. Представления ивановцев о родине и отечестве (к вопросу о гендерных аспектах патриотизма) // Женщина в российском обществе. 2007. № 1. С. 58–65.
7. Гнедаш А.А. Особенности формирования российской гендерной политики в online пространстве: социальные сети и блоги // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 39–43.
8. Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Гендерная политика online: субъекты, механизмы и проблемы функционирования // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 1. С. 163–183.
9. Гулиева М.М. Политическая культура женщин как условие социально-политической стабилизации: На материалах Северного Кавказа: дис. ... канд. пол. наук. М., 2005.
10. Ельникова Г.А. Духовные и социокультурные основания российского феминизма: дис. ... д-ра соц. наук. Белгород, 2004.
11. Жаданова Н. Стереотипы маскулинности в лингвистическом и политическом дискурсе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общ. науки. 2012. № 2. С. 5–8.
12. Завершинская Н.А. Гендерные метафоры в медийном пространстве современной российской политики // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 78–84.
13. Завершинская Н.А. Гендерные структуры памяти о «советском» в дисциплинарном пространстве российского социума // Полис. 2010. № 5. С. 64–78.
14. Здравомыслова О. Гендерные исследования как опыт публичной социологии // Гендерные исследования. 2008. № 19. С. 121–127.
15. Здравомыслова О. Гендерные стереотипы в публичной дискуссии // Гендерные стереотипы в современной России М.: МАКС Пресс, 2007.
16. Иванова Е.Н. Женщина в российской политической карикатуре // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 66–78.
17. Каменева В.А. Гендер, раса или лингвистический аспект воспроизводства власти // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2009. № 43. С. 73–77.
18. Канапьянова Р.М. Гендерные процессы в структуре государственной власти РФ: социально-политический аспект: дис. д-ра полит. наук. М., 2007.
19. Кашина М.А., Дмитрикова Е.В. Образ политика в российских СМИ: гендерный аспект // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 122–136.
20. Козлова Н.Н. Гендерные исследования в российской политологии: проблемное поле // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. Тверь: ТвГТУ, 2015. Вып. 2. С. 12–19.
21. Козлова Н.Н. Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в России // Гендерные исследования и гендерное образование в России, в странах Востока и Запада (региональные аспекты). Материалы научно-практической конференции молодых ученых с международным участием г. Новосибирск, 24–26 июня 2015 г. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. С. 5–9.

22. Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Успенская В.И. От пола к гендера от гендера к полу: тенденции российских реформ // Российские реформы: взгляд из 2017 года: коллективная монография под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2018. С. 42–52.
23. Козлова Н.Н. Гендерная ревизия учебных пособий по политологии // Высшее образование в России, 2004, № 3. С. 140–144.
24. Колобова С.А. Гендерная и образовательная доминанты современного российского политического процесса: дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2010. 439 с.
25. Колобова С.А., Шичкова Е.В. Политическая социализация молодежи: гендерный аспект // Власть. 2010. № 4. С. 87–90.
26. Красильникова О.В. Гендерная асимметрия в политике: региональный аспект // Гендерные стереотипы в современной России / Сост и общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 275–290.
27. Луныкова Л.Г. На пути взаимодействия женских и правозащитных организаций // Народонаселение. 2002. № 4. С. 143–145.
28. Малышева М.М. Гендерное наполнение политического пространства в России // Гендерные стереотипы в современной России / Сост. и общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 229–247.
29. Мирошниченко М.И. Гендерные дискурсы: формирование или деформация демократических стереотипов политического сознания? URL: <http://mmihistory.narod.ru/worksPDF/GendDiscTheFormOrDeformDemPolStereoOfConsc.pdf> (дата обращения – 02.09.2018).
30. Надолинская Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства : теоретические представления и реалии современной России: дис... д-ра философ. наук. Ростов н/Д, 2008.
31. Овчарова О.Г. Гендерные нормы как политический стереотип // Мир человека: нормативное измерение. Сб. науч. тр. Саратов: СГАП, 2009. С. 151–155.
32. Овчарова О.Г. Политическая социализация в России: гендерный аспект // Вестн. Саратов. госуд. аграрн. ун-та им. Н.И. Вавилова. 2006. № 4. С. 94–99.
33. Полякова Л.С. Проявление гендерных стратегий в политических выступлениях: социолингвистическое экспериментальное исследование // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 125–128.
34. Полякова Л.С. Проявление гендерных стратегий в языке политика: на материале английского и русского языков: дис.... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
35. Попкова Л.Н. Политическое участие женщин и гендерная политика // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Иваново: Юнона, 2000. Ч. 2. С. 112–117.
36. Попова О.В. Гендерные аспекты политической идентификации жителей Санкт-Петербурга / Политический анализ. Доклады центра эмпирических политических исследований СПбГУ / Под ред. Артемова Г.П. СПб., 2001. 140 с.
37. Рыбцова Л.Л. Общественно-политическая активность женщин // Социс. 2001. № 4. С. 77–80.

38. Рябов О.В., Рябова Т.Б. «Россия поднимается с колен»? : ремаскулинизация и новая российская идентичность // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 3–4. С. 250–257.
39. Рябов О.В. «Родина-мать»: история образа // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 33–46.
40. Рябов О.В., Константинова М. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельск. науч. центра РАН. 2011. № 6. С. 114–123.
41. Рябова Т.Б. «Будьте мужчинами»: рекрутирование гендерной идентичности в политическом дискурсе современного российского общества // Вестник Нижегород. ун–та им. Н.И. Лобачевского: Сер.: Соц. науки. Вып. 1 (5). 2006. С. 346–353.
42. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис.... д–ра соц. наук. Н.Новгород, 2009.
43. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 44–52.
44. Рябова Т.Б. Гендерный дискурс как оружие политической борьбы // Женщина в российском обществе. 2003. № 1–2. С. 14–22.
45. Рябова Т.Б. Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: теория и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4. С. 19–26.
46. Рябова Т.Б. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 207–226.
47. Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 4 (32). С. 307–320.
48. Рябова Т.Б. Рекрутирование гендерной идентичности в современной российской политической риторике // Новые направления политической науки / под ред. С.Г. Айвазовой, С.В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 165–177.
49. Рябова Т.Б. Этническая вариативность гендерных стереотипов // Вестник Нижегород. ун–та им. Н.И. Лобачевского: Сер.: Соц. науки. Вып. 1(5). 2009. № 4. С. 317–323.
50. Рябова Т.Б., Лямина А.А. Антиамериканизм по-ивановски: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов // Женщина в российском обществе. 2007. № 1. С. 50–57.
51. Рябова Т.Б., Рябов О.В. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики // Женщина в современном обществе. 2011. № 18. URL. <http://elibrary.ru/download/72503640.pdf> (дата обращения – 3.09.2018).
52. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полис. 2010. № 5. С. 48–63.

53. Селиванова С.С. Гендерные стереотипы как способ репрезентации патриархатной культуры: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006.
54. Скорнякова С.С. Политическая культура современного российского общества: трансформация гендерных стереотипов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербург. гос. политехнич. ун-та. Гуман. и общ. науки. 2012. Т. 4. № 160. С. 152–156.
55. Соколова Е.А. Комплекс гендерных стереотипов в медийном портрете женщины в местной прессе // Фундаментальные исследования. 2013. № 1–3. С. 775–779.
56. Табурова С.К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев // Социс. 1999. № 9. С. 84–93.
57. Талина И.В. Гендерные маркеры речевого поведения политического деятеля: На материале политического интервью: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003. 175 с.
58. Федорова Т.В. Гендерные стереотипы как фактор формирования имиджа политика: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
59. Хасбулатова О.А. Связь гендерных стереотипов с дореволюционной и советской историей // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 17–24.
60. Храмцова Ф.И. Влияние гендера на политическую социализацию молодежи // Власть. 2009. № 5. С. 26–29.
61. Храмцова Ф.И. Гендерное измерение политической социализации // Социальная политика и социология. 2008. № 3. С. 335–340.
62. Шведова Н.А. Гендерная политическая культура // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация – XXI век, 2002. С. 41–43.
63. Шведова Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры // гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 271–290. URL. <http://www.owl.ru/library/048t.htm> (дата обращения – 4.09.2018).
64. Шведова Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры или гендерная политическая культура // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Иваново: Юнона, 2000. Ч. 2. С. 85–88.
65. Шичкова Е.В. Концептуальные основы и технологии современной российской модернизации с учетом фактора политической социализации личности: гендерный подход: дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2010.

Н.А. Белякова, В.И. Успенская

Новое женское движение в постсоветской России

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Авторы рассматривают и характеризуют новое женское движение в постсоветской России в период трансформации государства 1990–2000 гг., выявляют его причины, дают типологию, определяют перспективы развития.

Ключевые слова: гражданское общество, женское независимое движение, женский активизм, феминизм.

В период демократизации в России стали появляться женские группы, которые называли себя «независимыми женскими движениями». Понятие «женского движения» не новое в гендерной политике, оно включает в себя «социально-культурную, политическую практику женских групп и организаций, направленную на продвижение их интересов, изменение системы гендерных отношений и стереотипов» [20, р. 61]. В настоящее время важнейшей составляющей гражданского общества является наличие общественных организаций. Собственно, само понятие гражданского общества в России и странах с демократическими ценностями приобрело новое измерение как раз в связи с развитием третьего сектора.

Исследовательский интерес автора объясняется тем, что в 1992 г. политическая нестабильность, фактическое отсутствие гражданского общества и развитой многопартийной системы, которая предполагала отстаивание и защиту интересов различных социальных общностей, делали вероятность формирования протестно-политических движений в стране очень высокой. «Перестройка», политика гласности и принятие демократических ценностей в конце XX в. в России способствовали становлению современного независимого женского движения и возникновению разнообразных общественно-политических организаций и групп, в том числе женских, которые являются одним из элементов гражданского общества [2, с. 117–121].

Предметным полем данного исследования являются не столько разнохарактерные женские организации в 1990-е г. в России, сколько цели и социально-политические практики женского активизма. Одна из активных участниц процесса становления независимого женского движения в России Т. Клименкова написала о целях российских женских групп следующее: «Мы пытаемся идти путем понимания демократических преобразований через обращение к самоактивизации тех, кто помещен на обочину жизни; пытаемся показать, что необходимо самим дискриминируемым группам строить то, что очень удачно во всём мире называют “гражданским обществом” <...> демократизацию было бы естественно понимать как возможность осуществить изменения, производимыми самими гражданами <...> И если уж те, кто считает себя “первым эшелонem” демократии, всячески стремятся убрать женщин с политической сцены, то это свидетельствует только о недопонимании ими своих собственных целей» [3, с. 118–121].

Женское независимое движение в России как протестно-политическое стало привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей только в конце XX века [2; 3; 5–17; 19]. Ключевыми темами большинства исследований выступают формирование женских независимых организаций в 1990-е гг., этапы их становления, идеологии, национальная и региональная специфики женских НКО, политический потенциал, а также взаимодействие российского женского движения с властными структурами.

Проблемы становления женского протестного движения и трансформация гендерной политики России в 1990-е гг. нашли отражение в научных исследованиях отечественных авторов И.И. Юкиной [13], В.И. Успенской [5; 8; 9; 19], Е.В. Кочкиной [6], А.А. Тёмкиной [7], Н.Н. Козловой [5; 21] и др. [22–24].

Е.Н. Коваленко, анализируя проблему становления женского независимого движения в постсоветской России, выделяет две волны исследования данного политического феномена: в первую волну (1990-е гг.), процесс развития женского движения следует изучать в контексте институционального изменения; во вторую волну (2000-е гг.), женское движение рассматривается сквозь призму теории политической коммуникации, выстраивания стратегий и тактик взаимодействия с субъектами политической активности, властью, государством и обществом в целом [4].

В трудах российского политолога С.Г. Айвазовой [1, 2] одной из актуальных тем выступает женское движение в России и его взаимодействие с властными структурами, даётся обзор основных причин начала образования негосударственных женских организаций и их опыт реализации политической программы. Автор раскрывает понятие «независимое женское движение» через цель самого движения как «решимость избавиться от “приводных ремней” партии власти» в советское время [2].

В.И. Успенская, анализируя трансформацию женского движения в разных странах, фиксирует стремление женских групп делать, в первую очередь, нравственную политику. «Под нравственной политикой понимается ненасильственная политика, соответствие средств тем высоким целям, которые декларируются в программных документах; цель – не завоевание власти над кем-либо, а использование ее для улучшения жизни людей; сосредоточение на проблемах равенства» [9, с. 26].

О.А. Хасбулатова в своей работе «Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии» [10] рассматривает гендерные аспекты социальной политики в 1990-е гг., анализирует «новое женское движение», женские организации и их политическую самоорганизацию в постсоветский период. По мнению О.А. Хасбулатовой, женские общественные объединения конца XX в., а также их стратегии в борьбе за расширение прав и возможностей женщин во власти стали предметом гендерного анализа в России, т. к. политическая представленность женщин как на федеральном, так и на региональном уровнях в современное время ассиметрична.

Зарубежные исследователи [11; 13--20] аналогично подчёркивают активную роль женщин в России и затрагивают проблему их политического

участия в 1990-е гг., а также социально-экономические препятствия, которые коренятся в социальном и экономическом статусе женщин в обществе.

Американский антрополог Дж. Хемметт [11; 16] анализирует связь между гражданским обществом и феминизмом в России. Автор отмечает в своей работе «Empowering women in Russia: activism, aid, and NGOs», что в современной политической мысли и истории женского активизма гражданское общество не менее актуально для России, так как процесс его становления сам по себе является важной частью перехода к демократии [16, p. 123–127].

Российское женское движение отражено и в монографии «Women in Russia, 1700-2000» [14] американского профессора истории Б.А. Энгель. Монография посвящена историческому анализу женского движения в России с XVIII в. по 2000-е г.; исследование объединяет женский опыт в социальной, экономической и политической средах. По мнению автора, возрождение женского движения в конце 1960-х гг. вызвало большой интерес у американских историков, политологов и философов к исследованию женского опыта в России и Советском Союзе. Этот научный интерес связан с попыткой найти новую информацию о политической и социальной деятельности женщин в советское время, которая могла быть скрыта в опубликованных отчётах на русском языке [14, p. 87–135].

Для раскрытия преемственности традиций гражданской активности женщин в XX в. большое значение для исследования имела монография «Women and Transformation in Russia» [19], где её авторы анализируют причины появления первых женских групп в постсоветской России, их трансформацию и женский активизм в его разных формах [19, p. 111–127]. Авторы исследовали переход от партотократии к «суперпрезидентализму» [19, p. 8] и размышляли о «прерывании» традиций женского движения в начале XXI в. [19, p. 8–14].

По мнению зарубежных исследователей, деятельность женщин в рамках гражданского общества позволяет им ускорить процесс их интеграции в социальную и политическую жизнь.

Термин «гражданское общество» имеет долгую историю и глубокие философские корни. Феминизм, как известно, существует два с половиной века. Корни его – в глубоком социальном конфликте, вылившемся в Великую французскую революцию 1789 г. Всеобщая «Декларация прав человека и гражданина» стала традиционной конституцией прав мужчин. Стоит отметить, что именно революционное время способствовало появлению нового документа об идеях борьбы за равноправие женщин – «Декларация прав женщин и гражданки» О. де Гуж в 1792 г. Однако специфика женских движений в России была обусловлена особенностями русского исторического развития [8]. В начале XX в. в революционный период в России феминистское движение было нацелено на обретение женщинами равных с мужчинами политических прав, и прежде всего избирательного права [8]. Но изменения, произошедшие в стране после октября 1917 г., повлияли на демократи-

ческие ценности в стране и зарождение новых духовных и политических норм.

Исследователи выделяют несколько этапов развития женского независимого движения: период саморефлексии, поиск идентичности – собственных целей и способов влияния (1989–1992); период налаживания личных контактов специалистов разных стран, участие в международных конференциях и «прорыв» в политическое пространство (1993–1995) (*Впервые женщины выступали в политике как отдельная группа со своими интересами*); 2000-е гг. – период кризиса и спада женской активности, который был связан с изменениями в политической системе страны [2].

В 1985 г., когда М. Горбачёв стал Генеральным секретарём ЦК КПСС, действовала только одна женская организация в стране, контролируемая государством – Комитет советских женщин, созданная в 1941 г. [14, р. 249]. Однако в январе 1987 г. Комитет женщин начал резкую критику в адрес политики гласности и перестройки. Стоит также отметить, что впервые с 1930 г. в печати появилось обвинение женской организации в том, что Советский Союз был патриархальным обществом и что женское участие в февральской и октябрьской революциях было недооценено [14, р. 250–251]. Как отмечает Б. Энгель, «ежедневные заботы мешают женщинам полностью пользоваться своими правами. Женщины в годы «перестройки» ожидали улучшения своих позиций, но им оставалось только заниматься семейными обязанностями» [14, р. 251]. В 1989 г. М. Горбачёв признал несправедливой загруженность у женщин. Именно в это время Генеральный секретарь подчеркнул необходимость открытия женщинам «двери в руководящие органы власти в России» [14, р. 252], чтобы они смогли принимать политические и иные решения, касающиеся их интересов.

Спустя пять лет в России (1994 г.) насчитывалось около 300 официально зарегистрированных женских объединений, столько же незарегистрированных женских клубов, ассоциаций и групп [14, р. 18–19]. По сравнению с предыдущими десятилетиями появление новых независимых женских организаций породило собой большой всплеск гражданской активности, вызванный политическими и экономическими преобразованиями в стране.

Выйдя из десятилетий тоталитарного контроля, по мнению В. Сперлинг, и монолитного советского режима в «хаотичную политическую и экономическую среду» [18, р. 15–18], общество пыталось самоорганизоваться. И, восполняя потерянное время, женщины начали протестное движение по отношению к политической дискриминации, которая по мере перехода от одного политического строя к другому только усиливалась.

За короткое время однонаправленное организационное советское женское движение трансформировалось в многогранный спектр женской активности по всей России. Независимые женские объединения стремились найти ресурсы для осуществления своих социальных, экономических и политических задач. В середине 1990-х гг. создавалось огромное количество групп самопомощи и центров гендерного просвещения, которые пытались устранить

разрыв политического и социального недопонимания в российском обществе. Данные организации варьировались от небольших местных клубов до крупных национальных объединений с подразделениями, размещёнными в Москве и Санкт-Петербурге.

Стоит также отметить, что в России сложились разные формы женской организации – Объединения, Инициативы, Проекты, Отделы, Секции, Программы. Степень развитости женского движения характеризуется тем, что некоторые группы выстраивали объединения более общего характера – Ассоциации, Союзы, Женские Советы; кроме того, небольшое число организаций называли себя Лигами, Движением, Форум, Конгресс, Консорциум, Сеть, Ассамблея, Федерация. В конце XX в. существовало несколько женских организаций, которые имели широкую региональную сеть (Союз женщин России (СЖР), Движение женщин России, Ассоциация независимых женских объединений (АНЖО), Консорциум женских неправительственных объединений, Независимый женский форум). Деятельность других сфокусирована на какой-то одной теме (Комитеты солдатских матерей, Ассоциация кризисных центров, Ассоциация планирования семьи, Ассоциация женщин-фермеров, Ассоциация журналисток, Межрегиональная ассоциация женщин-юристов и т. д.) [15].

Начиная с 1991 г., женскими группами были проведены ярмарки, благотворительные акции, круглые столы, семинары, конференции и лекции по феминизму и лоббированию интересов женщин; созданы группы поддержки для матерей-одиночек, женщин-художников и женщин-предпринимателей; сформированы кризисные женские центры и горячие линии; проводились политические кампании от имени женщин-политиков.

Анализируя женскую активность в 1994 г. в России, Н. Нунэн [17, р. 49–53], выделяет шесть женских групп, которые можно классифицировать в зависимости от их мировоззрения, сознания и желания улучшить своё положение (см.: Рис. 1):

Category of women	Consciousness	Interest in changing of the situation of women
Traditional women	Low	Low
Sovietized women	Medium	Low
Russofeminists	Medium	Medium
Westernized feminists	High	High
Neotraditionalists	Medium	Medium
Escapists	Medium	Low

Рис. 1

1) *Традиционные женщины.* Это поколения Второй Мировой войны, которые придерживаются традиционных ценностей. По мнению американского политолога Н. Нунэн, советское общество никогда не обеспечивало их равными правами и возможностями в реализации собственных социальных за-

дач. «Эта стойкая группа пережила Вторую Мировую войну для того, чтобы в начале 1990-х г. бороться с экономическим кризисом и безработицей в своей стране» [17, р. 49].

2) *Женщина «советского времени»*. Данная категория женщин примеряет на себе маркированную роль «рабочая женщина», определенную в советский период. Автор характеризует, что такого рода женщины обладают высоким трудолюбием и самопожертвованием ради своего государства. Женщины этой группы были представлены в Советском Женском Комитете, которое в начале реформ 1990-х гг. преобразовалось в Российский Союз женщин.

3) В конце 1980-х гг. Н. Нунэн ввела термин «*Русофеминистка*», который подразумевал собой деятельность советских писательниц и журналисток 1980-х г., в работе которых она обнаружила элементы феминизма. По мнению, автора, этот новый вид феминизма («прото-феминизм») отражает уникальный российский и советский опыт женщин-писательниц. «“Русофеминизм” основан на сотрудничестве между мужчинами и женщинами» [17, р. 50].

4) *Западные феминистки*. Этот термин относится к относительно небольшой группе феминисток, которые имели взаимодействие с Западом и стремились к русской версии феминизма, напоминающей западные феминистские движения.

5) *Нео-традиционалисты*. Эта группа женщин, которая пересекает несколько возрастных групп, стремится избавиться от бремени общества, чтобы женщины могли «вернуться к своей чисто женственной миссии».

6) «*Беглецы*». По мнению, Н. Нунэн, некоторые российские женщины отвергают традицию жертвоприношения и ищут более легкую жизнь в постсоветском обществе (проституция или брак). «Они отчаянно стремятся улучшить свой жизненный путь и менее озабочены политическими проблемами, надеются найти короткий путь к богатству и счастью» [17, р. 52].

Женские движения играют важную и особенную роль в становлении гражданского общества в странах с демократическими ценностями. Однако в современном российском обществе трудно говорить о существовании гражданского общества, если конституционные статьи о равенстве прав и возможностей не действуют. В стране нет единой женской организации, способной оказывать влияние на политическую власть. Современное российское женское движение представляет ряд коалиций, так или иначе взаимодействующих в решении конкретных задач, но не всегда политических. Получается, что в России демократия всё ещё имеет мужское лицо на верхних уровнях власти, представляя собой фактически демократию без женщин. По мнению российского политолога Е. Кочкиной, «на уровне общеизвестных истин становится понятно, что любая проводимая политика без участия женщин является антиженской. Аполитичность женщины была так же естественна, как и недостойность, неспособность быть гражданами других категорий населения – людей, не обладавших собственностью, рабов и негров. Но обес-

печивает ли присутствие женщин в политике реализацию интересов самих женщин или нескольких гендерных групп?» [6, с. 98].

Современное женское движение в России отличается от женского независимого движения 1990-х гг. В конце XX в. стратегия женского движения была направлена на то, чтобы интересы женщин были представлены и защищены на самых высоких уровнях политической власти. Лозунг независимых форумов «Демократия минус женщина – не демократия» стал знаменем всех последующих лет работы и борьбы российских женщин. Это была попытка трансформации гендерной политики в России. Создание общественных женских организаций и работа в них служила средством самовыражения, способом воплотить свою мечту о государстве новых возможностей с гражданским обществом. Опыт женского движения, женский опыт гражданских инициатив в годы реформ 90-х можно считать одним из признаков движения в сторону демократии. Равенство между женщинами и мужчинами является составной частью прав человеческой личности и гражданского общества. Ясно одно: без активного участия как женщин, так и мужчин, становление демократии в России вряд ли возможно.

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: «Рик. Русанова». 1998. 408 с.
2. Айвазова С.Г. Женское движение и политика. // Массовые движения в современном обществе. М.: Наука, С. 117–126.
3. Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры: взгляд из России. – М.: Преображение, 1996. С. 88–177.
4. Коваленко Е.Н. Концептуальные основания политического дискурса современного российского женского движения: дис... канд. пол. наук. Екатеринбург, 2011.
5. Козлова Н.Н., Успенская В.И. Общественно-политическое движение «Женская Ассамблея Тверской области»: социологический профиль // Вестник Тверского государственного университета. 2007. Сер.: Управление. № 1 (29). С. 136–149.
6. Кочкина Е.В. Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся политическая роль женщины и пересмотр теории политики // Женщина и культура. М., 1998. С. 96–107.
7. Тёмкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 5–17.
8. Успенская В.И. Суфражизм в истории феминизма // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 70–80.
9. Успенская В.И. Стереотипы на пути женщин к лидерству // Феминистская теория и практика: Восток – Запад. СПб, 1996. С. 25–32.
10. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
11. Хеммент Д. Отношение между феминизмом и гражданским обществом. // Вестник проекта: «Новые возможности для женщин». 1998. № 14. С. 108–110.

12. Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2004. 320 с.
13. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Алетейя, 2007. 544 с.
14. Engel В.Е. Women in Russia, 1700-2000 / Cambridge University Press. 2004. 304 p.
15. Yakushkina E.I. Russian women in public: from organized activism through democratic euphoria to the strategy of small deeds = Женский активизм в России: от организованных форм, через демократическую эйфорию к стратегии малых дел / E.I. Yakushkina; Voronezh State University // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 2. С. 167–174.
16. Empowering women in Russia: activism, aid, and NGOs / J. Hemment. Indiana University Press, 2007. 208 p.
17. Noonan N. Does consciousness lead to action? Exploring the impact of Perestroika and post-Perestroika on women in Russia / Journal of Gender Studies. 1994. P. 47–54.
18. Sperling V. Organizing women in contemporary Russia/ Cambridge University Press, 1999. 316 p.
19. Saarinen A., Ekonen K., & Uspenskaia V. Women and Transformation in Russia / by Routledge. 2014. 244 p.
20. Women in Russia. A new era of Russia feminism/ Edited by A. Posadskaya. VERSO, London–New York, 1994. 216 p.
21. Козлова Н.Н. Современное женское политическое движение в России: идеологический тупик // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Из-во «Скифия», 2000. С. 241–242.
22. Мельникова Т.А. Женское движение в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... д-ра пол. наук. М., 2001. 43 с.
23. Шведова Н.А. Женское движение в России: проблемы современного этапа. М., 2010. 138 с.
24. Юкина И.И. Историография женского и феминистского движения в России: к вопросу методологии // Жизнь в женском свете: к 60-летию В.И. Успенской: сборник научных статей. Тверь, 2012. С. 79–90.

А.С. Микиша, В.И. Успенская

Проблема представленности женщин в органах власти

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье рассматриваются основные проблемы, которые мешают женщинам в их успешной профессиональной деятельности. Авторы разбирают меры, предпринимаемые государством по улучшению положения женщин в обществе.

***Ключевые слова:** гендерное равенство, женщина в региональных органах власти, представительство, государственная программа.*

Интерес к женским проблемам и к тому положению, которое занимает женщина в обществе, возник весьма давно. Стимулом к возникновению таких исследований стало развитие женского движения за рубежом. В России обращение к гендерным исследованиям стало возможно в период развития демократических идей. Несмотря на то, что интерес к проблемам женщин постоянно присутствовал в рамках социальных программ, гендерная интерпретация данных проблем, в частности проблемы положения женщин во властных структурах, стала возможна лишь с развитием этих идей в нашей стране.

В современном обществе важную роль в обретении жизненного успеха играет карьера. Профессиональная деятельность является одним из важных показателей успешности и самореализации человека. В построении карьеры человек проявляет все свои лучшие способности, личностные и профессиональные качества. Но, в России женщины встречаются с разного рода проблемами на пути построения своей карьеры.

Проблемам гендерной асимметрии в российской политологии посвящен значительный объем работ. В статье Н.Н. Козловой «Гендерная асимметрия политики и стратегии гендерного равенства: обзор научных исследований российских» обобщен вклад отечественных ученых в изучение данной темы [10]. В трудах С.Г. Айвазовой, О.А. Ворониной, А.А. Гнедаш, Н.Н. Козловой, О.Г. Овчаровой, Т.Б. Рябовой, В.И. Успенской, Н.А. Шведовой рассмотрены институциональные и неинституциональные факторы формирования гендерной асимметрии в органах государственной власти и местного самоуправления [3–9; 11–19]. На сегодняшний день в российских органах власти наблюдается явная диспропорция гендерного состава кадров, как на федеральном, так и на региональных уровнях. Гендерные распределения внутри каждого отдельно взятого органа власти представляют собой «пирамиду» – где больше власти, там меньше женщин. Исследователи данной проблемы называют разные причины низкой представленности женщин в сфере государственного управления:

1. «Двойной стандарт» отношения общества к женщине в законодательных актах и в реалиях социальной практики. Фактическое равенство прав женщин и мужчин при реальном неравенстве возможностей.

2. Патриархальный подход к женщине.

3. Семейные обстоятельства, конфликт между ролью матери, хозяйки и ролью профессионала.

4. Проводимая партиями политика. Нежелание продвигать женщин к руководящим должностям, к власти.

5. Социализация женщин, которая происходит таким образом, что у них не возникает никаких амбиций по поводу карьерных и политических устремлений.

6. Гендерные стереотипы» [1].

В работе «Стереотипы на пути женщин к лидерству» В.И. Успенская приходит к выводу, что «гендерные стереотипы действительно являются одним из важных факторов снижения карьерных амбиций женщин-госслужащих. Проблема патриархатного воспитания, которое отдает женщине в первую очередь роль хозяйки, матери, профессиональная же реализация для женщины не является обязательной. Из-за господства в нашей стране патриархатного воспитания и распространенности гендерных стереотипов женщина не стремится строить карьеру. Большая редкость – женщина, занимающая высокий пост. В большинстве случаев женщины занимают должность специалиста, повышает свой уровень образования, развиваются профессионально, занимаются научной, общественной деятельностью, но при этом не стремятся получить должность начальника департамента, заместителя начальника департамента и т. д. Или же, женщины готовы отказаться от перспектив карьерного роста ради семьи и рождения ребенка» [1].

В разных странах существуют разные механизмы улучшения положения женщин. Так, в России утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта. 2017 г. №410-р «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы». Стратегия основывается на том, что права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека. Создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации» [2]. «В Декларации “Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года”, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1, предусматривается обеспечение к 2030 г. всестороннего и эффективного участия женщин в принятии решений в политической, экономической и общественной сферах жизни общества Российская Федерация в рамках работы в «Группе двадцати» наравне с другими странами этого объединения взяла на себя обязательство по принятию дополнительных мер, направленных на повышение занятости женщин, а также по созданию условий для их карьерного и профессионального роста. Укреплению позиций женщин в российском обществе способствовали меры, принятые в течение последних 10 лет, включающие:

– совершенствование законодательства в целях улучшения положения женщин, в том числе в части вопросов, связанных с выплатой пособий в свя-

зи с рождением и воспитанием детей, а также с реализацией программы материнского (семейного) капитала;

- повышение конкурентоспособности женщин на рынке труда за счет принятия антидискриминационных мер (запрещение объявлений о вакансиях, содержащих требования о поле, возрасте и семейном положении), а также за счет организации профессионального обучения женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком;

- поэтапное повышение оплаты труда в бюджетных секторах экономики, в которых заняты преимущественно женщины, в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры и социальной защиты;

- создание благоприятных условий для совмещения семейных обязанностей по воспитанию детей, в том числе детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, с трудовой деятельностью (обеспечение доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет, закрепление на законодательном уровне положения о предоставлении по желанию лица, воспитывающего ребенка-инвалида, ежегодного оплачиваемого отпуска в удобное для него время);

- повышение качества оказания медицинской помощи женщинам в период беременности, родов и послеродовой период, введение родового сертификата, строительство перинатальных центров;

- государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, в том числе с участием женщин;

- последовательную государственную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на улучшение положения женщин, семьи и детей».

- «Женщины активно участвуют в управлении государством. Доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы и муниципальной службы, составляет 72,1%, 59% из них замещают такие должности в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти, в том числе 25,3% – должности руководителей. Доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, составляет 42,3%, доля женщин среди лиц, замещающих должности муниципальной службы, 78,8%. Среди дипломатов российских миссий за рубежом доля женщин составляет 16% (в 2010 г. – 10,8%)» [2].

Вместе с тем законодательно закреплённая норма о создании мужчинам и женщинам, являющимся членами политической партии, равных возможностей для представительства в руководящих органах политической партии, включения в списки кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления на практике реализуется медленно. При широком участии в избирательных кампаниях (женщины работают в избирательных комиссиях, участвуют в выборах в качестве наблюдателей, включаются в избирательные списки политических партий) представительство женщин в законодательных органах

власти сохраняется на низком уровне. На 1 января 2017 г. доля женщин среди членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации составила 17%, среди депутатов ГД ФС РФ – 15,6%.

Доля женщин, замещающих государственные должности в органах законодательной власти субъектов Российской Федерации, составляет 17,4%, доля женщин, замещающих муниципальные должности в представительных органах муниципальных образований, – 30,8%. «В обществе не получило широкого распространения правовое просвещение по вопросам прав и свобод, предоставленных женщинам законодательством Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права» [2]. Основные проблемы по достижению женщинами успехов в профессиональной деятельности уже были изложены выше в тексте. И, в Стратегии прописываются те же препятствия, с которыми сталкиваются женщины при движении по карьерной лестнице. В данном документе явно прописывается, что проблему положения женщин как в обществе в целом, так и представленности их на высоких должностях в органах власти, необходимо решать комплексом необходимых мероприятий. Так как успехи женщин в профессиональной деятельности зависят от многих факторов, начиная от стереотипов социального статуса женщины в обществе до реального положения дел по представленности женщин на руководящих постах. В документе перечислены основные направления реализации этой Стратегии, а именно:

- «Создание условий для сохранения здоровья женщин всех возрастов» предполагает решение задачи повышения доступности и качества оказания медицинской помощи женщинам и девочкам;

- «Улучшение экономического положения женщин, обеспечение роста их благосостояния»;

- «Профилактика и предупреждение социального неблагополучия женщин и насилия в отношении женщин»;

- «Расширение участия женщин в общественно-политической жизни»;

- «Совершенствование государственной статистики, характеризующей положение женщин в обществе».

Большой интерес вызывает реализация направления «Расширение участия женщин в общественно-политической жизни». «Оно предполагает решение следующих задач:

- снижение диспропорций по признаку пола в руководящем составе федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, а также создание благоприятных условий для продвижения женщин по службе;

- повышение роли женских общественных организаций и объединений в общественно-политической жизни.

Решение указанных задач предполагает реализацию следующих мер:

- оказание государственной поддержки общественным организациям и объединениям, реализующим мероприятия по улучшению положения жен-

щин и выдвигающим способных и компетентных в профессиональном отношении женщин в органы власти всех ветвей и уровней;

– реализация информационно-просветительских программ, направленных на повышение участия женщин в общественно-политической жизни; формирование информационного пространства женских организаций в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”;

– содействие участию российских женских общественных организаций в международном сотрудничестве по линии Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы и форума “Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество”» [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема представленности женщин в органах власти выражена рядом определённых факторов. И решать её необходимо комплексно. В Российской Федерации существуют определённые стереотипы относительно социальной роли женщины в обществе, которые, возможно, являются основополагающим препятствием в их успешной профессиональной деятельности. Но, несмотря на это, государство принимает меры по улучшению положения женщин в обществе, хоть это происходит не так быстро и ярко, как в других странах. В России в большей мере патриархальное воспитание, из этого следует, что общество пока не готово на такие серьёзные перемены.

Список литературы

1. Успенская В.И. Стереотипы на пути женщин к лидерству // Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. СПб, 1996. С. 25–32.
2. Распоряжение Правительства РФ № 410-р от 8 марта 2017 г. «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». Режим доступа [Электронный ресурс]: <https://rosmintrud.ru/uploads/magic/ru-RU/6fbee78a-1500964810.pdf>
3. Козлова Н.Н. Депутатский корпус региональных legislатур Дальневосточного федерального округа: опыт анализа гендерной асимметрии // Региональная политика-2018: сборник статей и аналитических докладов / Под ред. Д.И. Орлова. М.: Грифон, 2018. С. 215–220.
4. Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Рассадин С.В. Женщины во власти: региональная специфика // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. редакторы: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 86–88.
5. Козлова Н.Н. Социологический портрет женщины-депутата законодательного органа власти // Новая социальная реальность и гендерное равенство в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты. Материалы XVIII Международных Гендерных чтений, по-

священных 100-летнему юбилею Октябрьской революции. Под научной редакцией Галины Силласте. Москва, 20–21 апреля 2017. Изд-во НИИ Экономики ЮФО, 2017. Ч. 1. С. 108–110.

6. Козлова Н.Н. Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 2. С. 68–84.

7. Козлова Н.Н. Женщины в публичной политике. На материалах региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа // Публичная политика. 2017. № 2. С. 94–111.

8. Козлова Н.Н. Женская политическая элита: региональное измерение (на материалах законодательных органов государственной власти Сибирского федерального округа) // Столетие революции в России и современный социализм. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, Таврический дворец, 18 марта 2017 года) / отв. ред. и сост. А.К. Никитин. М.: Ключ-С, 2017. С. 99–108.

9. Козлова Н.Н. Реализация избирательных прав женщин в современной России: представительство женщин в региональных легислатурах Северо-Западного федерального округа // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. №1–2. С. 114–127.

10. Козлова Н.Н. Гендерная асимметрия политики и стратегии гендерного равенства: обзор научных исследований российских политологов // Социально-политические процессы в меняющемся мире: Межвуз. Сб. науч. тр. / под ред. Н.Н. Козловой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. Вып. 17. С. 5–23.

11. Козлова Н.Н. Представительство женщин в региональных легислатурах РФ: опыт статистического анализа // Ежегодная конференция РАПН «Время больших перемен: политика и политики», Москва, 24–25 ноября 2017 г. С. 183–184.

12. Козлова Н.Н. Законодательное Собрание Тверской области (1994 – 2016): гендерный профиль // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 3. С. 202–211.

13. Козлова Н.Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71.

14. Овчарова О.Г. Женщины в российских органах власти: региональное измерение // Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы. Сб. науч. тр. Саратов: СГАП, 2010. С. 253–255.

15. Першина А.М. Женщины-депутаты в составе Государственной Думы Федерального Собрания IV созыва (2004–2007 годы) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: История и пол. науки. 2009. № 3. С. 123–129.

16. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 3–13.

17. Воронина О.А. Социально-философский анализ теории, методологии и практики гендерного равенства: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004.

18. Гнедаш А.А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение: дис. ... канд. пол. н. Краснодар, 2006.

19. Шведова Н.А. Не дожидаясь 8-го марта... Или как увеличить представительство женщин на выборных постах. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25365739&>

А.А. Гродь, О.В. Ковалева

Гендерная политика в странах Восточной Европы

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Гендерные аспекты развития жизни общества были актуальны во всей истории развития социума с древнейших времён и до наших дней. На сегодняшний момент происходит значительное продвижение в направлении социальной политики относительно данного аспекта. В статье рассматривается политика гендерного равенства, осуществляемая в странах Восточной Европы. Дается определение термина «гендер» и «гендерное равенство». Дается обзор основных изменений в вопросах гендерного равенства в политической сфере стран Восточной Европы.

***Ключевые слова:** гендер, социальная политика, европейская интеграция, Восточная Европа.*

Гендерная политика предполагает рассмотрение широкого круга социальных вопросов, касающихся социальных интересов мужчин и женщин, как представителей различных социальных групп. И.И. Юкина считает, что «гендерная политика как политика, направленная на гендерные группы и формирующая статусы гендерных групп, является частью социальной политики... гендерная политика существует всегда, даже тогда, когда она не мыслится в таких терминах, а проблема отношения полов не рассматривается как проблема социального равенства» [19, с. 39]. Гендерный аспект определяет равное положение мужчин и женщин и их участие во всех сферах жизни общества. Гендерное равенство достигается посредством обретения гендерного равноправия граждан, которым значителен «правовой принцип, юридический статус личности в отношениях с государством и другими людьми в реализации прав и обязанностей». Гендерный подход в социальной политике направлен на устранение политических и социальных программ, усугубляющих гендерное неравенство. По мнению Н.Н. Козловой и В.И. Успенской, «на сегодняшний день проблема преодоления гендерной асимметрии в различных сферах общественной жизни является одним из приоритетных направлений в государственной политике различных стран мира» [11, с. 107].

Гендерная политика может являться средством для достижения конкретных целей по укреплению позиций государства как внутри страны, так и на международной арене. Довольно перспективными сегодня являются гендерные исследования в области юриспруденции. Гендерный аспект нашел свое отражение в контексте прав человека, также предпринимается анализ гендерно нейтральных и гендерно выраженных правовых норм в различных отраслях права (С.В. Поленина, А.М. Лушников, М.В. Лушникова и др.). В целом в российской политологии сложился круг исследователей, которые занимаются проблемами гендерной политики в России и за рубежом [5–10; 12–18].

С точки зрения С.В. Полениной, в российском праве ещё не сложилось четкого представления проблемы гендерного равенства граждан, слабо изучены его свойства, содержание и место в правовой системе общества, а также не уде-

ляется внимание роли социального государства в решении данных проблем [3]. В.В. Чвыкалов считает, что действующее трудовое законодательство и законодательство о социальном обеспечении в РФ содержит немало норм и положений (высокий уровень юридических гарантий прав женщин в сфере материнства и детства), которые близки гендерной политики в ЕС [4].

Женщины никогда не были полностью отстранены от политической власти. В прошлом некоторые женщины, начиная с египетской царицы Хатшепсут и Клеопатры, становились во главе государств и концентрировали в своих руках огромную власть: политическую, религиозную, экономическую и личную. Но даже и тогда, когда они не считались законными правительницами, женщины зачастую обладали огромной неформальной властью как жены и фаворитки монархов, президентов и премьер-министров. В качестве одного из наиболее известных примеров можно назвать мадам де Помпадур, фаворитку короля Франции Людовика XIV, которая часто принимала важные государственные решения. На протяжении двадцатого века женщины довольно часто становились во главе правительств, например, Голда Мейер в Израиле, Индира Ганди в Индии, Маргарет Тэтчер в Великобритании.

Гендер в переводе с английского языка означает «биологические, социальные, культурные особенности человека в зависимости от пола». В российской и украинской литературе, исходя из исторического развития данной идеи, под гендером понимают социальные роли, которые выполняют мужчины и женщины, т.е. когда говорят о гендерном равенстве, имеют в виду равенство статусов мужчины и женщины в разных сферах социальной жизни [3, с. 187–188].

Гендерное равенство – составляющая общего принципа равенства как принципа демократического построения общества. Право понимается сегодня как равная мера свободы всех и каждого – мужчин и женщин. Конструкция гендерного равенства раскрывается через категорию прав человека как универсального стандарта равенства, который является единым для обоих полов [1, с. 104].

Сегодня утверждение, что слово «президент» относится к мужскому роду, верно только с грамматической точки зрения, тогда как реальность все чаще говорит об обратном. Появление в Европе нового харизматичного лидера из лагеря представительниц так называемого «слабого» пола – очередное тому подтверждение.

Первой в истории Литвы стала президентом победившая на выборах в мае 2009 г. Даля Грибаускайте. Победу Грибаускайте можно назвать исторической во многих смыслах. Она не только стала первой женщиной, которую литовцы избрали главой государства, но и получила самый высокий процент голосов за весь период проведения президентских выборов в этой стране. Как сообщили в Главной избирательной комиссии после подсчета бюллетеней, в поддержку еврокомиссара высказались более 68% голосовавших, что для независимой Литвы является абсолютным рекордом. Важно отметить также то,

что в последнее время экономика страны переживает кризис, наблюдается резкий рост безработицы.

Как показали проведенные в Литве соцопросы, от нового президента жители страны ожидают:

- решительных действий по стабилизации экономики (56,2 %);
- ускорения проводимых в стране реформ (27,6 %);
- создание более прозрачной работы президентского аппарата и других институтов власти (24,7 %);
- увеличения влияния Литвы в Евросоюзе (ЕС) (12,5 %);
- улучшения отношений Литвы с Россией (9,9 %).

Нынешние нелёгкие времена Даю Грибаускайте не пугают. «Выход есть всегда и везде, необходимы только политическая воля и компетенция», — любит повторять президент Литвы.

В основе гендерной политики Республики Беларусь лежат общепризнанные международные нормы, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о политических правах женщин, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Платформе действий Четвертой Всемирной конференции по положению женщин. Декларации тысячелетия, других документах.

Реализация государственной политики, направленной на устранение неоправданных различий в социальном статусе мужчин и женщин, во многом зависит от дееспособности национального механизма. Решением Совета Министров Республики Беларусь создан Национальный совет по гендерной политике. В его состав вошли представители органов законодательной и исполнительной власти, общественных объединений, ученые. Совершенствуется гендерная статистика, расширяются возможности сравнительного анализа положения женщин и мужчин. За последние 15 лет изданы три статистических сборника «Женщины и мужчины Республики Беларусь».

Политика равноправия и равных возможностей для женщин и мужчин, проводимая в Республике Беларусь, предполагает, в частности, паритетное участие женщин и мужчин в принятии решений. Анализ участия женщин в сфере принятия решений на государственном уровне в Беларуси показывает положительные изменения в этом направлении в последние годы. Так, в настоящее время в высшем законодательном органе Республики Беларусь треть мест занято женщинами, женщины занимают должности Председателей постоянных комиссий верхней и нижней палат Национального собрания (Парламента) Республики Беларусь, Председателя Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. В числе Министров Республики Беларусь также есть одна женщина.

Говоря о формировании идеологии гендерных групп, необходимо остановиться на вопросе о возможных субъектах гендерной политики. Можно выделить двух таких субъектов. Первый – государство в лице специальных органов. Такие органы существуют практически во всех странах Северной Европы, например, департамент гендерного равноправия Министерства со-

циальной защиты в Чехии или отдел гендерного равноправия департамента по европейским и юридическим делам Министерства социальной защиты в Латвии. Второй – общественные организации, занятые решением проблем, имеющих гендерную составляющую. Эти организации могут быть мужскими, женскими, смешанными по составу, политическими или гуманитарными, главное, чтобы они работали с проблемами, порожденными гендерными отношениями, и при этом осознавали их гендерное происхождение.

Заслуга доказательства существования у женщин политических интересов принадлежит женскому движению первой волны – суфражизму, цель которого состояла в предоставлении женщинам избирательных прав. Оно доказывало очевидный сегодня факт, что женщина может быть субъектом политической жизни, и исчерпало себя к середине XX в. В Европе последними в 1952 г. избирательные права получили греческие женщины.

Э. Гидденс акцентирует внимание на практике шведского государства, которое лидирует среди западных стран в области законодательства, гарантирующего соблюдение равенства полов. Доля женщин, имеющих оплачиваемую работу, является очень высокой: в 2011 г. она равнялась 80 % для женщин в возрасте от 16 до 64 лет. Любой гражданин Польши может получить государственное пособие на ребенка, составляющее около 90 % средней заработной платы; выплаты начинаются за месяц до рождения и заканчиваются, когда ребенку исполнится шесть месяцев. Родители договариваются между собой, кто из них возьмет отпуск по уходу за ребенком, и в зависимости от их решения шестимесячное пособие выплачивается либо матери, либо отцу. Эти меры в определенной степени доказали свою эффективность в том, что касается возможностей женщин добиться высокого положения в обществе. Так, женщины имеют почти половину (44,7%) мест в шведском парламенте, что является одним из самых высоких показателей (а именно четвертое место) в мире [2].

Безусловно, что не так легко уйти от привычных форм взаимодействия между мужчиной и женщиной, особенно в публичной – наиболее консервативной сфере жизни (ведь надо учитывать гендерные настроения масс, а не отдельных индивидов). Представляется вполне реальным путем изменения гендерных представлений – движение снизу, импульс от «уличных» структур женских объединений. Таким путем пошли в Хорватии [4]. Механизм, позволяющий политику сделать гендерно чувствительной, они внедрили на уровне одной области, что была не тот момент гендерно чувствительна и обладала инициативной группой. После подтверждения успехов в самых разных публичных сферах именно в этой области, именно благодаря гендерной политике, стало возможным продвижение этих политиков в общенациональный парламент. Естественно, что сейчас страна эффективно применяет свой региональный опыт для всех граждан. И это свидетельство того, что изучение положительного зарубежного опыта, сложившегося импульсной волной «снизу», особенно актуально для Украины сегодня, когда «уличные» инициативы должны перестать носить только деструктивный характер.

Например, в грузинском законодательстве не существует положений о поддержке сбалансированного гендерного представительства в государственных институтах. В Грузии перед выборами 2016 г. парламент внес поправки в Конституционный закон о политических объединениях граждан, которые включали финансовые инициативы на поддержку 20% гендерной квоты для кандидатов, избираемых по пропорциональной системе. Политические партии, претендующие на государственную поддержку (10% финансирования), должны включать в выдвигаемые партийные списки не менее 20% депутатов-женщин в каждой десятке кандидатов. Государственная помощь предоставляется тем партиям, которые преодолели 4%-ный барьер на последних парламентских выборах или 3%-ный барьер на местных выборах. В 2015 г. правящая партия ЕНД получила государственную финансовую помощь в размере 1,95 млн лари (около 900 тыс. евро). Христианское демократическое движение (ХДД) – 767 583 лари (приблизительно 350 тыс. евро). Таким образом, удовлетворение гендерных критериев может существенно поддержать партийный бюджет.

Итак, гендерная политика в Восточной Европе существует, но скорее на бумаге, чем реально. Налицо противоречие между целями, которые должны быть реализованы посредством данной политики, и теми, которые достигаются государством на самом деле. Причина этого в недостаточном осознании субъектами гендерной политики в силу господства в обществе традиционных гендерных представлений необходимости и объективного характера предпосылок политики гендерного равенства.

Разрешение указанного противоречия, прежде всего через гендерное образование и просвещение населения в целом и его отдельных групп, в том числе чиновничества, и выступит в ближайшей перспективе движущей силой превращения отечественной гендерной политики из виртуальной в реальную.

Список литературы

1. Безган Л.С. Гендерная политика в Европейском союзе: институциональный аспект (1952–2012 годы) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. № 6. С. 43–50.
2. Женщины и мужчины России, 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2017. 255 с.
3. Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М., 2014. 255 с.
4. Чвыкалов В.В. Гендерное равенство в праве. М., 2012. 123 с.
5. Оришев А.Б. «Пуштунвали» – история жизни и философия пуштунов // Вестник экспериментального образования. 2015. № 2. С. 22–32.
6. Оришев А.Б. Управление массовым сознанием: пиар-технологии // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. № 2(2). С. 12.
7. Реутова М.Н. Немцы о самих себе: эволюция стереотипов // Science Time. 2015. № 4 (16). С. 654–658.
8. Токтарова Т.Ж. Проблема гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации // Успехи современного естествознания. 2015. № 1–6. С. 1046–1048.

9. Толкачев А.Н. Креативные способы генерации идей в менеджменте // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. № 3(3). С. 8.
10. Козлова Н.Н. Современная гендерная политика: западный (ЕС) и российский опыт // Архитектура международных отношений в XXI веке и глобальные тренды современности: теория и реальность. Межвуз. сб. науч. тр./ под ред. Е.Н. Васильевой, Н.А. Цынаревой. Материалы VII Международной научно-практической конференции 15 ноября 2017 года. Тверь, ТвГУ. С. 9–16.
11. Козлова Н.Н., Успенская В.И. Социально-философские аспекты стратегии гендерного равенства в современной Франции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 107–112.
12. Андреевкова А.В. Представительство женщин в парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социс. 2000. № 11. С. 117–128.
13. Воронина О.А. Политика гендерного равенства: Международный и национальный опыт // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 10. С. 922–931.
14. Макарова А.В. Гендерная политика в Республике Польша в 1989–2001 гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Иваново, 2007. 23 с.
15. Максимова О.Б. Политическая карьера женщин в России и странах Запада: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2007. № 1. С. 27–35.
16. Московкина Е. Гендерная политика Европейского Союза: примеры практической реализации // Гендерные различия. Матер. IV межвуз. конф. СПб.: Алетейя, 2005. С. 36–41.
17. Степанова Н.М. Новые подходы к идее «государственного феминизма» в современной Европе // Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М.: РАНП, РОССПЭН, 2007. С. 187–199.
18. Чикалова И.Р. Гендерная система (пост)советской Беларуси: воспроизводство и трансформация социальных ролей в публичной и приватной сфере // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2009. С. 51–66.
19. Юкина И.И. Женские организации Санкт-Петербурга как актор гендерной политики // Женщина в российском обществе. 2007. № 3. С. 38–42.

А.И. Конфоркина

Софья Панина: женская и политическая судьба

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Автор акцентирует внимание на политическом и социальном вкладе политического деятеля, чье значение велико в отечественной истории социальных реформ, прав женщин и гуманитарной помощи беженцам в XX в. – Софьи Владимировны Паниной – в развитие российского общества.

Ключевые слова: *Софья Панина, филантропия, женский вопрос, революция, эмиграция, феминизм.*

На сегодняшний день в гуманитарных науках актуальной становится проблема исторической памяти. В данной статье анализируются аспекты гуманитарно-политического вклада российских женщин, чья деятельность повлияла на развитие России в XX в. Исследователи женской истории затрагивали судьбы отдельных россиянок в контексте анализа судеб России [11–15]. Предметным полем данного исследования выступает судьба выдающейся женщины XX в., политического деятеля, дипломата и социального филантропа – Софьи Владимировны Паниной. Основным историческим материалом для анализа послужили работа профессора О.А. Жуковой [4, с. 58] и фото/видео материалы, которые предоставляет интернет – музей имени С.В. Паниной [2].

С.В. Панина – последняя владелица имения Марфино, представительница знатного графского рода Паниных, высокопоставленных сановников императорской России – родилась в Москве 23 августа 1871 г. в семье камер – юнкера графа Владимира Викторовича и Анастасии Сергеевны [4, с. 61]. В последнее десятилетие политологи, историки и литераторы нарекли эту женщину «красной графиней» за её тернистый политический путь: от богатой наследницы до политического деятеля с демократическими идеалами. Стоит отметить, что важную роль в политической жизни С. Паниной сыграли три человека: её мать Анастасия Сергеевна Панина, её учительница Александра Васильевна Пешахонова и член ЦК Кадетской партии Николай Иванович Астров. По мнению О.А. Жуковой, на политические взгляды Софьи Владимировны также повлияла семейная ситуация: накануне рождения младшей дочери Наташи, в возрасте 30 лет В.В. Панин умер, а сестра Наташа прожила всего два года после смерти отца и тоже скончалась [4, с. 65].

Анализируя письма самой С. Паниной, можно проследить, что воспитанием дочери занималась мать – Анастасия Сергеевна Панина, которая, была удивительно красивой женщиной, но обладала бурным темпераментом. С 3 декабря 1978 г. мать С. Паниной посещала тайное собрание радикалов земских активистов и там познакомилась с Иваном Ильичом Петрункевич. Между ними завязывается роман. Петрункевич становится участником создания конституционной демократической партии в 1905 г., а после «политическим преступником с радикальными убеждениями» [4, с. 69]. В мемуарах [4, с. 58], С.В. Панина отмечала, что родные были сильно обеспокоены данными событиями и «пустили в ход все свои придворные связи», чтобы добиться установления опеки над девочкой бабушки, графини Натальи Павловны Паниной [4, с. 59].

Бабушка С. Паниной, как отмечает профессор О.А. Жукова, была «серьёзная женщина с волевым характером», поэтому она незамедлительно определила свою внучку в Училище благородных девиц ордена св. Екатерины (Екатерининский институт) [4, с. 76]. Стремясь ввести повзрослевшую Софью в водоворот светской жизни, Н.П. приискали видного жениха, и, когда девушке исполнилось двадцать лет, она вышла замуж за Александра Половцева, сына петербургского сановника [4, с. 79]. Брак С.В. Паниной оказался

неудачным, и в 1894 г. состоялся бракоразводный процесс. А спустя два года Софья Владимировна становится студенткой историко-филологического факультета высших женских курсов в Санкт-Петербурге, но в силу сложившейся политической ситуации не смогла их окончить [4, с. 80].

К концу XIX в. С.В. Панину окончательно увлекает филантропия [4, с. 82]. Благотворительную деятельность Софья Владимировна решила ввести благодаря своему знакомству с народной учительницей Александрой Васильевной Пешахоновой. Софья писала: «Бывают минуты как будто совершенно незначительные, но которые, тем не менее, неведомо для нас предрешают наше будущее» (цит. по: [5, с. 202]). Их совместная работа помогла С. Паниной пережить развод и найти применение своим новым талантам и средствам.

В 1900 г. Софья Владимировна приобрела землю за Обводным каналом и обратилась в Городскую управу с письмом: «прошу... разрешить мне постройку Народного дома на принадлежащем мне участке земли» (цит. по: [4, с. 92]). Приглашенный ею архитектор Ю.Ю. Бенуа, спроектировал оригинальный ансамбль из двух зданий, соединенных внутренним двором – садом для летних занятий на свежем воздухе. Театральный зал на тысячу мест – один из лучших в городе. Лестница, ведущая к нему – мрамор с красным деревом, – освещаемая солнцем сквозь огромные, во всю стену, окна. На первом этаже Лиговского народного дома разместились мастерские и прачечная с новейшим агрегатом парового отопления. Выше – столовая, гимнастический зал, читальня, комнаты для занятий в библиотеке, где устраивались сеансы синемаатографа и камерные концерты [4, с. 93]. По замыслу Народный дом должен был стать народно – просветительским учреждением, основной задачей которого стала бы «борьба с невежеством» [4, с. 94]. Учитывая несомненные успехи Лиговского народного дома Городская дума с 1908 г. взяла на себя расходы по содержанию благотворительной столовой.

Однако Народный дом был не единственной заботой Софьи Владимировны. В начале XX в. она возглавляла 5–е отделение (отделение предупреждения) Общества защиты женщин, успешно борющееся с проституцией [4, с. 95]. Цель общества – препятствовать торговле «несчастными бедными рабынями» при помощи организации учреждений [4, с. 96]:

– дешевых помещений для приехавших в Петербург на заработки и учебу девушек и женщин;

– мастерских и при них магазинов для изготовления и сбыта изделий, сделанных руками женщин;

В материальной помощи графиня не отказывала никому. Когда МХАТ оказался в трудном положении, она пришла на помощь и стала одним из его пайщиков [4, с. 96].

Во время Первой мировой войны графиня с головой ушла в общественную работу по оказанию помощи семьям фронтовиков. Большая часть Народного дома в Петербурге была передана Государственной управе под лазарет. В это время С. Панина стала заниматься политикой. Политическим идеалом Со-

фьи Владимировны было разделить государственную власть по справедливости на три части: одна – монарху, другая – высшим сословиям, третья – народу [4, с. 97]. Весной 1917 г. С. Панина была избрана депутатом Петроградской Городской думы. Записавшись в партию «народной свободы», как называли себя кадеты, лидером которой был ее отчим И.И. Петрункевич, Софья Владимировна становится членом кадетского ЦК. Стоит также отметить, что созданное 2 марта Временное правительство являлось по своей ориентации кадетским, и Панина становится товарищем министра внутреннего призрения и первой женщиной, входившей в состав правительства. Например, в США до 1933 г. не было женщин в правительстве [4, с. 97].

В августе 1917 г. С. Панина становится товарищем министра народного просвещения. Об участии Софьи Владимировны в политической жизни в период между февралем и октябрём известно мало. Однако, она посещала собрания важных политических структур того времени таких, как Петроградская Дума, Кадетское ЦК. Таким образом, до Октябрьской революции политическая значимость Паниной была символической, так как женщинам в политике на тот момент была отведена скромная роль.

После октября Софья Владимировна принимала участие в создании «Малого совета» и вела активную деятельность в собраниях «подпольного» Временного правительства [4, с. 98]. 15 ноября 1917 г. действующий заместитель министра Панина отдала служащим Министерства народного просвещения приказ собрать все находящиеся в распоряжении министерства денежные средства – всего около 93 000 рублей – и перевести их на счета двух государственных чиновников, которые впоследствии должны будут вложить их в банки согласно ее инструкциям [4, с. 98]. Почти сразу после приказа в министерство прибыл назначенный большевиками Исаак Рогальский, в задачу которого входило преобразование бывшего Министерства в Комиссариат просвещения, и столкнулся с пассивным сопротивлением служащих и нехваткой денег в казне [4, с. 98]. Все это привело к аресту С.В. Паниной 28 ноября 1917 г. [5, с. 190].

Вскоре по делу Паниной о хищении средств состоялся Революционный трибунал. «Смотрительница вошла в неурочный час в мою камеру и сказала, что меня требуют в канцелярию “с вещами”. Я быстро спустилась с чемоданчиком в руке. Большевистский комиссар тюрьмы объявил мне, что я свободна, и протянул мне копию бумаги. Оказалось, что пока я в неведении сидела за решеткой, друзья мои продолжили свои деятельные хлопоты о моём освобождении. Всероссийский союз учителей открыл подписку на сбор тех 93-х тысяч, которые нужны были, чтобы выкупить меня из тюрьмы. Первый рубль на этом листе был пожертвован рабочим», – писала С. Панина в своём письме [5, с. 190]. Разбирательство закончилось негласным решением, что друзья и соратники собрали необходимую сумму и только после того, как средства были возвращены, накануне Рождества Софью Владимировну освободили из-под ареста [4, с. 100].

В 1918 г. С. Панина покинула Россию. В период гражданской войны у неё появилась надежда, что все изменится, и она вернулась в Россию, на юг, где тогда сражалась Белая армия [4, с. 100]. В это время у неё устанавливаются теплые отношения с товарищем по партии Николаем Ивановичем Астровым. После поражений армий Деникина и Врангеля Софья Владимировна через Женеву уезжает в Чехословакию, где находилась тогда значительная часть русской эмиграции. Она работала в знаменитом Русском архиве, была одной из активных деятельниц «Русского очага», благотворительной организации помощи беженцам [4, с. 100].

Однако после прихода к власти фашистов С. Панина переселилась из Чехословакии в США и включилась в работу Комитета помощи русским эмигрантам, созданного дочерью Льва Николаевича Толстого Александрой Львовной. Софья Владимировна организовала крупномасштабную помощь для советских военнопленных [4, с. 101]. В Америке Паниной было трудно жить. Не имея собственной квартиры, она переезжала от одних знакомых к другим, в руках у неё был небольшой чемоданчик, которым, ограничивалось все её земное имущество [4, с. 101]. По мнению О.А. Жуковой [4, с. 101], «женщина с необыкновенно доброй душой, прожила долгую и яркую жизнь». Она умерла 13 июля 1957 г. в возрасте 86 лет [4, с. 101].

Стоит отметить, что в современное время Паниной интересуются как отечественные историки, политологи, так и зарубежные исследователи. На протяжении многих лет биографию Софьи Владимировны активно воспроизводит профессор университета Вилланова (США) Адель Линденмайер на своих лекциях. А. Линденмайер пишет: «С одной стороны Софья претворяла в жизнь идеи о том, как приносить пользу народу, нести просвещение в народ. Она верила, что Россия может выйти из невежества, из бедности, из очень низких условий жизни, только если мы будем просвещать народ. А с другой стороны, её самое яркое место в русской истории – это то, как человек держал линию между крайностями: она не стала правым аристократом и ненавидела крайности любого направления – ни монархизм, ни социализм. Она, для русской истории и для нас сегодня является примером, как вести себя, находясь в золотой середине» [3, с. 25]. Е. Айви и В. Каширцева являются создателями интернет-музея, посвященного С.В. Паниной, где каждый может прикоснуться к её судьбе благодаря большому количеству собранного видео/аудио/фото материала и литературы [7]. Автор в проведённом анализе раскрыл лидерские качества Софьи Владимировны Паниной: целеустремленность, активная жизненная позиция, борьба за справедливость, наличие собственных идеалов. В особенности филантропия была её яркой отличительной чертой как общественно – политического деятеля XX в.

Список литературы

1. Алипов П.А. С.В. Панина и М.И. Ростовцев: вехи сотрудничества двух лидеров русской эмиграции (электронный ресурс). URL: http://rusliberal.ru/31_05_11.php

2. Бочарова З.С. Вращивать добрые плоды своего неутомимого труда: Деятельность С.В. Паниной и Н.И. Астрова в Лиге наций (электронный ресурс). URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/2547134/>
3. Волошина В.Ю. Розтокская русская колония: Начало пражского периода эмиграции С.В. Паниной (электронный ресурс). URL: [http://histdep.omsu.ru/res/page00000000023/Files/1\(1\).pdf](http://histdep.omsu.ru/res/page00000000023/Files/1(1).pdf)
4. Жукова О.А. На пути к Русской Европе: Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М.: Фонд «Либеральная Миссия». 2013. С. 54–106.
5. Жукова О.А. Ценности и социальная практика христианского либерализма в России: опыт графини С.В. Паниной. М.: Фонд «Либеральная Миссия» (электронный ресурс). URL: http://rusliberal.ru/books/ZHukova_O_A_S_V_Panina_Statya_.pdf
6. Интернет – музей Паниной С. В. (электронный ресурс). URL: <http://www.sof-panina.ru/index.htm>
7. Линденмайер А. Панинское наследство: Детство графини Софьи Владимировны Паниной. // Третьи чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биография вне шаблона. 22–24 апреля 2005. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал». 2006. С. 1–20.
8. Международный научный коллоквиум «Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (к 140 – летию со дня рождения)» (электронный ресурс). URL <http://www.sof-panina.ru/afisha-2.htm>
9. Панина С.В. На петербургской окраине. Война // Новый журнал. 1957. С. 25–47.
10. Панина С.В. Памяти ушедших // Новый журнал. 1957. С. 50–62.
11. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Ру-санов, 1998. 408 с.
12. Козлова Н.Н. Женщина в политике: образ Марфы Борецкой в исторической повести «Марфа-посадница» Н.М. Карамзина // Женщина в российском обществе. 2012. № 3 (64). С. 64–73.
13. Козлова Н.Н. Гендерный подход к исследованию российского самодержавия: женщина-монарх в «Историческом похвальном слове Екатерине II» Н.М. Карамзина // Женщины. Тексты. Общество / под ред. В.И. Успенской, Н.Н. Козловой. Тверь: ТвГУ, 2014. С. 60–78.
14. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
15. Белова А.В. Провинциальная дворянка Елизавета Лихачева // Дни славянской письменности и культуры: Сборник докладов и сообщений / Отв. ред. О.Н. Овен. Тверь: ТвГУ, 1999. Вып. 5. С. 41–49.

А.К. Чуракова

Концепт «новой женщины» в теории женской эмансипации
К. Цеткин и А. Коллонтай

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Сквозь призму русской и немецкой политической мысли начала XX столетия автор раскрывает концепцию «новой женщины». С опорой на труды

К. Цеткин и А.М. Коллонтай исследователь показывает идеальный, по мнению классиков марксистского движения, облик «грядущей женщины».

Ключевые слова: образ «новой женщины», пролетарское женское движение, марксистская теория, феминизм.

*«Даже самые крупные таланты девятнадцатого века не ощутили надобности заменить чарующую женственность своих героинь свойствами, отмечавшими грядущую новую женщину»
А.М. Коллонтай [17].*

Коренные изменения конца XIX – начала XX столетия побудили ряд марксистских теоретиков к кардинальному пересмотру отдельных суждений, главным образом затрагивающих социальное и экономическое положение женщины. Новая позиция по данному вопросу появилась в трудах А. Бебеля «Женщина и социализм», Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Ж. Гэда «Женщина и буржуазное общество», В.М. Броннера «Проституция в России. Проституция до 1917 года. Борьба с проституцией в РСФСР». Отдельные аспекты образа «новой» женщины в трудах А.М. Коллонтай были рассмотрены такими российскими исследователями, как Т. Осипович, В.И. Успенская, Н.Н. Козлова, Е.Н. Строганова, А.В. Белова, Е. Трофимова и др. [11–16]. Н.Н.Козлова пишет: «Как правило, ученые, изучавшие труды этой известной революционерки сравнивают ее идеи с взглядами современных ей феминисток, идеологов и политиков, медиков и гигиенистов, выявляют актуальность ее идей в настоящее время» [11, с. 105].

Уже к концу XIX в., как отмечает Т. Осипович, «социализм не только включал решение женского вопроса в свою программу, но и объявлял себя единственным политическим движением, способным решить этот вопрос полностью и окончательно» [13]. Об этом свидетельствует тот факт, что уже на момент 1908 г. российская социал-демократическая рабочая партия имела план по реформированию положения женщин в обществе, требовавший:

- «отмены всех законов, подчиняющих женщину мужчине;
- права избирать и быть избираемой во все законодательные учреждения и органы местного самоуправления на основе всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов;
- законодательной охраны труда;
- охраны материнства:
 - а) установления обязательного отдыха для беременных за 8 недель до и 8 недель после родов с получением пособия в размере полного заработка из касс государственного страхования;
 - б) бесплатной медицинской и акушерской помощи в родовой период;
 - в) освобождения кормящей грудью детей каждые 2 часа до 1/2 часа и др.»

- пересмотр вопросов, связанных с семейными отношениями, проституцией:

- «а) отмена регламентации проституции и борьба с ней при помощи улучшения экономического положения рабочего класса и широкое вовлечение женщин в классовое движение пролетариата;

- б) требование отдельного вида на жительство для жены, до отмены паспортной системы;

- в) возложение на городское и земское самоуправление заботы о постройке дешевых здоровых жилищ для рабочих семейств и для неженатых рабочих и работниц;

- д) развитие кооперативного движения, облегчающее работнице ведение своего хозяйства» [10, с. 163].

Конечно же, стоит заметить, что изложенные меры были предложены ни на I-ом и даже ни на V-ом съезде РСДРП; их огласили в декабре 1908 г. на Первом всероссийском женском съезде, проходившем в Петербурге. Поэтому естественно было бы предположить, что основанием для закрепления приведенных программных установок стало не столько желание отдельных людей к радикальным переменам, сколько потребность к изменениям и готовность их принятия всем обществом. Особенно это касается разрешения «женского вопроса», нашедшего своё место в работах К. Цеткин и А. Коллонтай. Именно они одни из первых подвергли анализу формирующийся тип «новой женщины».

И это несмотря на то, что, по утверждению Т. Осипович, «концепция новой женщины не была новым явлением в литературе, т.к. о них уже писали Ж. Санд, Г. Ибсен, Н. Чернышевский, И. Тургенев и многие другие авторы второй половины 19 века» [13].

Всё же писатели, по утверждению Коллонтай, «не чувствовали, не слышали, не схватывали, не отличали» [14] грядущие изменения в облике женщины. Они по-прежнему описывали «безлично-добродетельные женские типы», в то время, когда действительность показывала не столько традиционно устоявшиеся в литературе образы «обманутых созданий, очаровательных хищниц, чистых девиц», сколько облики самостоятельных и независимых «холостых женщин» [там же].

Последний тип, по её определению, представлял собой личность, отличающуюся такими чертами, как:

- самодисциплина;
- признанием свободы другого человека, отказом от чувства собственности;
- стремлением к утверждению внутреннего «я»;
- отрицанием «двойной морали» [4].

Как замечает А. Коллонтай, только при сочетании данных качеств и при условии экономической, профессиональной занятости женщина сможет превратиться в «самоценного человека, обладающего своей индивидуальностью» [2, с. 223].

Только с момента осознания себя, принятия «человеческого Я» она перестаёт быть «самкой, тенью мужчины», женщина превращается в «самостоятельную единицу и гражданку», «внешне независимую и внутренне самостоятельную» [там же]. Процесс раскрепощения, как пишет Александра Михайловна, должен происходить путём коренного преобразования быта, основанного на «новых началах коммунистического хозяйства» [там же].

Справедливо было бы заметить, что идея «новой женщины» в творчестве А. Коллонтай встречается не только в публицистике, но и в беллетристике, например, в произведениях «Любовь трех поколений», «Большая любовь», «Василиса Малыгина» [6, с. 155]. Причём интересно отметить, что А. Коллонтай, в отличие от К. Цеткин, строила конструкт «холостой женщины» с опорой на существующее положение в обществе, а не на выдуманный образ, как в случае с немецкой революционеркой.

Однако следует уточнить, что перед последней не стояла задача создать концепцию «новой женщины» (к слову сказать, она не особо жаловала данное словосочетание, поскольку он был употребим в «феминистских кругах»). Её образ возник в результате работы над «женским вопросом», проблемную основу которого составлял вопрос о развитии капитализма. И единственным его решением было проведение социальной революции, «в результате которой пропадёт экономическая конкуренция с мужчинами», «исчезнет социальный интерес отнять у женщин возможность профессиональной деятельности», и только в этом случае наступит такое половое равенство, которое «побудит личность жить, работать и развиваться» [там же].

При этом «роль домохозяйки старых, дедовских идиллических времен» потеряет всякое значение и оправдание» [там же], поскольку «современная промышленность» заменит те функции, что ранее у неё были.

«Новая женщина» станет идеальным примером гармоничного переплетения «женского» и «человеческого», соединения качеств любящей матери и жены со свойствами истинного революционного борца, «товарища» [1].

Важно, чтобы она, отмечает Цеткин в работе «Женский вопрос и германское студенчество», не превратилась в «бесполое существо, обезьяну» [7]. Однако какие именно качества отличают «обезьяну» в женском облике, она не определяет, поэтому крайне трудно сказать, как же, по мнению Цеткин, не может выглядеть «новая женщина». Остается лишь строить предположение относительно этого вопроса.

Также как и Коллонтай, она не видела «ни одного типа идеальной новой женщины в литературе», возможно, поэтому на страницах своего журнала «Равенство» (Die Gleichheit) она старалась публиковать «актуальные» статьи, всячески утверждая мысль о равноправии мужчин и женщин: «Дайте нам свободно пройти к высокой духовной цели, дайте нам наравне с мужчинами возможность трудиться и творить» [9].

Мобилизуя на страницах газеты пролетарских женщин, она стремилась «освободить от эксплуатации и рабства не только работниц, но и всех женщин» [5]. Так, она призывает социалистическое движение не «мириться с

тем, что половина человеческого рода из-за экономической зависимости остается в политическом и социальном рабстве» [там же].

В своих статьях она постоянно отмечает, что женщина «не есть неудачная копия мужчины. Она обладает своеобразными чертами, своими особыми качествами для борьбы и строительства» [14].

Так, рассмотрев основные моменты концепций можно прийти к выводу, что образ «новой женщин» включал в себя компоненты внутренней и внешней свободы, выражающиеся в признании за женщиной своего внутреннего «я», путем отказа от «эмоциональности, покорности и безличности»; за счет соединения в ней как женских, так и мужских качеств.

Список литературы

1. Алферова И.В. Концепт «новая женщина» в интерпретации Клары Цеткин: этапы становления, основные характеристики // Вестник Брянского государственного университета. 2010. №2. С. 12–17.
2. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи/сост. И.М. Дажина, М.М. Мухамеджанов, Р.Я. Цивлина. М.: Политиздат, 1972. 430 с.
3. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1909. 431 с.
4. Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай / сост. и ред. В.И. Успенская. Тверь: Феминист Пресс Россия, 2003. 299 с.
5. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. М.;Л.: Гос. изд-во, 1929. 507 с.
6. Трофимова Е.И. «Женский вопрос» в прозе и публицистике Александры Коллонтай // Россия XXI. 2009. № 1. С. 154–167.
7. Цеткин К. Женский вопрос и германское студенчество/ К. Цеткин. Одесса: Книгоиздательство, 1905. 70 с.
8. Цеткин К. Социализм придет к победе только с женщиной-пролетаркой / Предисл. А. Иткиной. М.: Госполитиздат, 1960. 99 с.
9. Цеткин К. Я хочу бороться там, где кипит жизнь / Предисл. А. Иткиной. М.: Госполитиздат, 1960. 99 с.
10. Цеткин К., Коллонтай А.М. Чего хотят женщины? М.: Алгоритм, 2014. 240 с.
11. Козлова Н.Н. Общество и материнство в теории Коллонтай//Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Материалы международной научной конференции. Тверь, 2003. С. 105–118.
12. Успенская В.И., Козлова Н.Н. Семья в России: теория и реальность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (Тверь, 29–30 октября, 1999). Тверь: ТГТУ, 1999. С. 87–89.
13. Осипович Т.И. Коммунизм, феминизм, освобождение женщины и Александра Коллонтай // Женщина в обществе.1993. №1. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/6066-1-tatyana-osipovich-kommunizm-feminizm-osvobozhdenie-zhenschin-aleksandra-kollontay-temi-vinesennie-zagolov.php>(дата обращения: 20.10.18).

14. Успенская В.И. А. Коллонтай: радикальный проект женской эмансипации // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики материалы международной научной конференции / под ред. В.И. Успенской. Тверь: Золотая буква. 2003. С. 11–28.
15. Юкина И.И. На пути к марксистскому феминизму: деятельность Александры Коллонтай // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 2. С. 81–91.
16. Белова А.В. Письма А.М. Коллонтай и традиции «женского письма» в русской дворянской культуре // Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции (Тверь, 11 марта 2002 г.) / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 179–199.
17. Коллонтай А.М. Новая женщина. URL. http://www.odinblago.ru/novaia_moral/1

И.В. Бутузова, И.В. Собранская

Специфика информационных войн в постиндустриальном обществе

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрены и изучены основные концепции и признаки информационного общества. Проанализирован феномен информационной войны и выявлена специфика данного феномена в информационном пространстве современного постиндустриального общества. Описаны основные концепции, объясняющие причины становления информационного общества. Исследована связь между развитием технологий коммуникационных средств и информационными ресурсами. Для разбора данного феномена в статье проведён анализ информационных войн в условиях постиндустриального общества.

Ключевые слова: *Информация, информационная война, информационное общество, постиндустриальное общество, прогресс, Интернет, информационный ресурс, технологии.*

Политическая наука в XXI в. по-новому взглянула на феномен информационной войны, которая на протяжении долгого времени расширяла свой инструментарий и развилась в сложное политическое явление. Распространение глобального Интернета и развитие телекоммуникаций позволили расширить направления воздействия информационных войн. Актуальность исследования информационных войн обусловлена сложившимися информационными обществами в большинстве стран мира, которые имеют наилучшие условия для использования технологий данных войн. Для разбора данного

феномена в статье проведён анализ информационных войн в условиях постиндустриального общества.

Внедрение Интернета в жизнь рядового гражданина навсегда изменило облик общества, укрепив тем самым позиции концепции постиндустриального общества. Теоретические и концептуальные основы постиндустриального общества сформировались ещё во второй половине XX в. в трудах А. Турена [18], Д. Белла [3], Р. Дарендорфа [4] и Ф. Ферраротти [13]. Теоретико-методологической концептуализацией информационной войны как формы воздействия на общественное сознание выступают научные труды П. Лайнбарджера [5], Т. Рона [17], М. Либики [14] и ряд отечественных исследователей [2; 7; 10; 11].

Д. Белл в своём основном труде, посвящённом исследованию постиндустриального общества, сумел выделить пять признаков такого общества [3, с. 63]. Поскольку прогресс протекает в стремительных темпах, развитие информационных технологий и общественных связей вынуждают формулировать более актуальные концепции постиндустриальных обществ. Таковой в 80-х гг. XX в. выступила концепция информационного общества О. Тоффлера. Он полагал, что все новейшие технологические наработки являются не только продуктом, но и источником информации [9, с. 230].

Й. Масуда внёс большой вклад в исследование постиндустриального общества, исследуя феномен информационного общества в рамках увеличивающейся глобализации [8, с. 2]. Он является автором мысли, что понятия информационного и постиндустриального общества тождественны. Данная концепция предлагает смену модели массового производства материальной продукции, характерной для индустриального общества, на модель массовой генерации информации. Такие трансформационные процессы связаны с переходом от сферы производства к сфере потребления и услуг. Производимый «новый ресурс» стал называться информационным. Информационный ресурс можно определить как совокупность знаний, востребованную среди разнообразных социальных, экономических и политических групп.

Можно выделить пять основных черт информационного общества:

- 1) высокий уровень развития информационных технологий;
- 2) интенсивное внедрение и развитие информационных коммуникаций;
- 3) широкая автоматизация сфер экономики и управления;
- 4) распространение глобализации, глобальное сознание;
- 5) свободный доступ к интересующей информации.

Ключевым компонентом информационного общества являются каналы информации. С момента начала изучения информационного общества прошло около шестидесяти лет, за которые телекоммуникационные и информационные технологии развились так сильно, что информация и знание воплотились в самостоятельном существовании. Информационные технологии создали собственную инфраструктуру, на основе которых стали образовываться сетевые организации. Они, в свою очередь, сыграли одну из основных ро-

лей в модернизации экономики. Подкреплённая глобализационными процессами, сетевая экономика за короткий срок обрела огромные масштабы. Несомненно, распространение Интернета способствовало модернизации экономики, например, устранив звено посредничества в сфере продаж.

Можно выделить четыре вида интернет-технологий, широко применяемых в сетевой экономике:

1) CALS-технологии (безбумажное информационное и автоматическое обеспечение, непрерывная информационная поддержка производственного цикла товара);

2) Технологии управления знаниями (вероятнее говорить о процессе извлечения, документирования и получения доступа к знаниям);

3) Технологии дистанционно-распределенной работы коллективной работы (в основном с использованием локальных сетей);

4) Технологии «интеллектуальных агентов» (помогают операторам информационных систем в поиске, сборе и последующем анализе информации).

Помимо экономики информационные технологии широко используются в политической и социальной сфере жизни общества. На сегодняшний день огромную роль играют социальные сети, которые включают в себя не только функцию мессенджеров, но и функции прессы. Социальные сети стали автономной информационной средой, которая непосредственно влияет на политическую повестку. За последние 10 лет наблюдается интенсивный рост числа пользователей социальных сетей, в которых у пользователей возрастает интерес к популизму [16]. Это указывает на кризис традиционной политической конъюнктуры, вызывающий лояльность граждан к анархическим и антиправительственным движениям. Показательным примером здесь является период с 2010 по 2016 г7, когда по всему миру разгорелись антиправительственные выступления, которые во многом курировались через социальную сеть «Facebook». Таким образом социальные сети стали антиэлитарным СМИ, который способен консолидировать мнения граждан, в том числе нежелающих идентифицировать себя с той или иной идеологией либо партией. Это способствует росту политической активности граждан и развитию коммуникационных технологий.

Информационные войны также претерпели некоторые изменения, ведь развитие Интернета предложило конфронтационным сторонам обширный перечень новейших методов борьбы. Информационные войны как таковые в разных проявлениях часто встречались в истории, и с ходом времени совершенствовались методы и технологии их ведения. Как и любая война, информационная предполагает конфликт интересов, которые противостоят в информационном пространстве посредством использования информационного оружия, проводя периодические информационные операции [7, с. 155]. Е. Цымбал отмечал, что объектами информационной войны являются не только граждане противоборствующих стран, но и их структуры управления, государственные административные системы, культура и общество в целом [11, с. 28].

Научные труды ряда отечественных исследователей [2; 10; 12] позволяют выявить три основных вида технологий, используемых в информационных войнах: мультимедийные, психологические и лингвистические.

Мультимедийные технологии характеризуются использованием целого ряда средств для реализации плана пропаганды. Информация при таких технологиях максимально упрощена и выступает в облике краткого текста, фотографии либо материалов видео и аудио формата. Эти средства подачи информации позволяют формировать как целостные, так и фрагментарные мнения в обществе [2, с. 623]. К мультимедийным технологиям также относится феномен «мемов» – запоминающихся и простых изображений, несущих определённую информацию, проблемную тему или провокацию. Ярким примером такого средства является так называемый «ватник» - мем, запущенный во время кризиса на востоке Украины, оскорбляющий русскоязычных сепаратистов. Россия в свою очередь популяризировала мем «вежливые люди», выдав российских военнослужащих в позитивном ключе и тем самым предприняв контрмеру.

Психологическим технологиям характерно наличие целого инструментария для изменения либо манипулирования общественным сознанием. В основном для манипуляции систематически используются все коммуникативные возможности Интернета, через которые можно влиять на чувства и настроения в обществе. Например, через социальные сети можно создать чувство страха и распространить этот страх среди общества, для дестабилизации ситуации [10, с. 233].

Лингвистические технологии используются для интерпретации нейтральной информации. То или иное значимое событие может быть интерпретировано государством в положительном для себя ключе. Также данные технологии предполагают искусное владение языком, что позволяет создавать яркие слоганы, провокационные газетные заголовки и т. п. [12, с. 115].

Основываясь на вышеизложенных фактах, можно выделить три основных закономерности информационных войн: во-первых, информационные войны в современных конфликтах ведутся на чужих территориях и без каких-либо моральных границ, что провоцирует человеческое сознание на активность; во-вторых, одним из основных методов данной войны является искажение информации посредством PR технологий, внедрённых в массовую культуру, широким использованием «мемов» с адаптированным под юмор информационным кодом и практика «вбросов» (прямой дезинформации), позволяющих незаметно навязать обществу определённые идеи и мнения; в-третьих, информационные войны всегда действуют на большие массы людей, используя тактику мимикрирования, что предполагает возможность подачи информации под разным углом для разных социальных групп [6].

Что касается урегулирования информационных войн, стоит отметить, что на сегодняшний день не существует отлаженной модели по примирению сторон, есть лишь рекомендации конструктивного межнационального диалога и коммуникативный компромисс [1, с. 65].

На данный момент остро стоит проблема подмены глобального общественного мнения на национальные интересы той или иной страны. Этой проблеме посвящена теория «Agenda Setting» М. МакКомбса и Д. Шоу. Основной идеей данной теории выступает идея главенствующей роли СМИ в формировании повестки в обществе, которая сопровождается применением семантических манипуляций, что в свою очередь позволяет оправдать любые средства ведения политики [15, р. 63].

Основываясь на вышеописанном, можно заключить, что специфика современных информационных войн заключается в обширном использовании новейших коммуникационных технологий противоборствующих сторон. Современные коммуникации позволяют в упрощённых формах транслировать информацию в массы, воздействуя на все слои общества. Информационные технологии воздействия на сознание масс разделены на мультимедийные, лингвистические и психологические и определены как аудитория войн, так и видами использованных информационных ресурсов. На протяжении истории человечества происходило развитие средств коммуникаций: появление письменности, изобретение книгопечатания, массовое использование электричества и, наконец, внедрение персональных компьютеров. Сложившиеся условия обширного и, что главное, доступного информационного поля обусловили возникновение и развитие информационного общества.

Список литературы

1. Анисимов О.С., Глазачев С.Н. Информационно-психологическая война в контексте рефлексивно-культурного подхода // Электронное периодическое научное издание «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2014, № 1 С. 56–67.
2. Баранова Е.А. Мультимедийные технологии в средствах массовой информации как новый инструмент ведения информационной войны // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. № 4. С. 618–628.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999, С. 60–70.
4. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. 1993. № 5. С. 31–35.
5. Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962, 352 с.
6. Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar25.htm> (дата обращения: 19.04.2018).
7. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. 309 с.
8. Масуда Й. На пути к новому этапу становления общества // США: ЭПИ. 1983. № 6.
9. Тоффлер Э. Столкновение с будущим. (Отрывки из книги) // Иностранная литература. 1972. № 3. С. 228–249.

10. Худоверкова М.А. Медиатерроризм как угроза медиабезопасности. Принципы построения текстов террористических сайтов // Вестник ЧелГУ. 2013. № 22 (313). С. 230–239.
11. Цымбал В.И. О концепции информационной войны // Информационный сборник «Безопасность». 1995. № 9. С. 27–35.
12. Шарманова О.С., Шаманская М.А. Концептуализация России в метафорах как лингвистический прием ведения информационных войн // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2(27). С. 114–119.
13. Ferrarotti F. The Myth of Inevitable Progress. // Greenwood Press, 1985. 157 p.
14. Libicki M. Conquest in cyberspace // National security and information warfare. Cambridge, 2007, 323 p.
15. McCombs, M.E., and D.L. Shaw. (1993). The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas . Journal of Communication. Vol. 43. № 2, p. 58–67.
16. Number of Facebook users in Western Europe from 2014 to 2018: <https://www.statista.com/statistics/283623/western-europe-number-of-facebook-users/> (дата обращения: 19.04.2018).
17. Rona P. Weapon Systems and Information War // Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976, 84 p.
18. Touraine A. La société post-industrielle. Paris, 1969, 319 p.

А.Н. Бацын

Взаимодействие государства и гражданского общества в России: теоретический аспект

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется проблема взаимодействия институтов гражданского общества с государством, рассмотренная в трудах российских политологов. В статье подвергаются разбору наиболее эффективные способы сотрудничества гражданского общества и государства. На примере российского материала выявляются причины, условия, факторы формирования эффективных способов сотрудничества гражданского общества и государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, политические партии, демократическое государство, институты гражданского общества.

Целью данной статьи является анализ трудов исследователей гражданского общества, рассматривающих наиболее эффективные способы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в России.

Многие зарубежные и отечественные философы и политологи, такие как Дж. Локк, Ч. Тэйлор, А. Фергюсон, А. Смит, В.С. Нерсисянц, В.В. Витюк, О. Хархордин и др. [2; 8; 12; 11; 14; 17;] выделяют две основные теории гражданского общества. Так, Д. Локк, считал, что гражданское общество противостоит «традиционному обществу» и является лишь одной из стадий

становления государства. Ш. Монтескье под гражданским обществом понимал набор независимых ассоциаций граждан, связывающих индивида и государство. В дальнейшем эти две теории стали дополнять друг друга.

Американский политолог Ф. Шмиттер полагает, что «гражданское общество есть набор самоорганизующихся посреднических групп, которые относительно независимы и от власти и способны организовать коллективные акции по защите или продвижению своих интересов или потребностей. Основными институтами гражданского общества являются политические партии, общественные объединения, местное самоуправление, независимые средства массовой информации, религиозные организации» [16, с. 32].

З.Т. Голенкова [3] выделяет три типа взаимоотношения государства и гражданского общества: 1) государство сдерживает гражданское общество, это приводит к развитию тоталитарного режима; 2) государство выступает в роли правового государства и дает спокойно развиваться гражданскому обществу, как следствие возникает демократический режим; 3) авторитарный режим возникает, если между гражданским обществом и государством неустойчивое взаимодействие.

Для того чтобы гражданское общество и государство эффективно взаимодействовали, должны выполняться некоторые принципы: «всеобщность и развитость демократии, ее реальное проявление во всех сферах общественной жизни; легитимность власти, ее открытости и эффективности в интересах граждан; подчинение общества и власти законам, развитость и эффективность функционирования элементов гражданского общества» [6].

Так, А.В. Зайцев считает, что важную роль для определения эффективности взаимодействия также играет процесс установления общественного согласия: «Это состояние гармоничных взаимоотношений и успешного взаимодействия, различных национально-этнических и других сил в пределах одного государственного образования» [4]. Именно общественное согласие политической элиты по вопросам власти влияет на переход к демократии и к образованию гражданского общества в стране. Это доказывает пример Испании, где пакты общественного согласия повлияли на свержение режима Ф. Франко.

Основным признаком единства государства и гражданского общества является идентичность их целей и задач – защита прав и законных интересов человека и гражданина. Реализация гражданского общества возможно только при развитой экономической системе, т. е. при существовании свободных индивидов (собственников имущества). Еще одной целью гражданского общества и государства является создание и государственное обеспечение условий для самовыражения и самоопределения личности, а также его свобода в выборе деятельности. Данные принципы закреплены в Конституции РФ, что говорит о том, что у российского гражданина есть правовые возможности не только для осознания себя субъектом гражданского общества, но, и для реализации своих личностных интересов.

Д.П. Зеркин, В.Г. Игнатов [5] видят одним из главных критериев определения эффективности взаимодействия государства и гражданского общества развитость местного самоуправления. Местное самоуправление является институтом гражданского общества и не входит в зону государственного управления, однако оно также является одной из форм публичной власти. Целью местного самоуправления является помощь гражданам муниципальных образований в реализации самоуправления. Это может быть как прямое (выборы, референдумы, собрания), так и косвенное (участие индивидов в управлении местными делами) волеизъявление.

Посредником между государством и гражданским обществом также являются политические партии. Французский политолог Р. Кейлор полагал, что «партии устанавливают взаимосвязь между институтами власти и гражданским обществом» [13, с. 16]. Российский политолог Д.В. Чижов считает, что «партия своими корнями уходит в толщу гражданского общества, где зарождаются и оформляются групповые интересы, но при этом через свои руководящие инстанции врастает в механизм государственной власти, придает ей уникальное качество агента двусторонней связи гражданского общества и государства» [15, с. 74]. Выступая в качестве посредника политические партии, защищают права и свободу граждан от посягательств государства.

Однако партии в РФ не пользуются массовой поддержкой. Хотя в стране действует многопартийная система, но в реальности партий мало. Ф. Шмиттер считает, что «особенность России – слабость политических партий, их малая вовлеченность в процесс консолидации и неспособность самим сосредоточиться и упрочиться» [16, с. 32]. Появление «партии власти» привело к тому, что партия создана не под определенную часть общества, а под саму власть. Это приводит к тому, что один из главных институтов гражданского общества служит государству.

Ю.М. Резник утверждает, что наличие демократического государства в целом и развитых демократических институтов является важным политическим критерием эффективного управления: «демократическое гражданское общество требует демократического государств» [10, с. 127]. Государственный аппарат считается эффективным, если он отстаивает законные интересы граждан и государства.

В 1990-е гг. в России стал утверждаться принцип демократии, т. е. на первом месте должны стоять интересы личности и гражданина. Вместе с этим стало развиваться гражданское общество, которое должно занимать центральное место в государстве. Именно гражданское общество выступает главным оппонентом государства и защищает общество от злоупотреблений со стороны властей.

Отечественный политолог Ю.А. Красин [7] считает, что наша страна идёт по пути демократизации и построения социального и правового государства. Однако эффективность государственного управления и гражданского общества является очень низкой. Наблюдается безразличие граждан к политической проблематике, что приводит к понижению политической актив-

ности граждан. Люди боятся произвола со стороны государства, а гражданское общество плохо выполняет возложенные на нее функции.

В.В. Путин назвал нетерпимым то, что «наши граждане боятся выйти на улицу и непонятно, кого они больше боятся: то ли правоохранителей, то ли преступников. Это связано с тем, что государство в целом и правоохранительные органы, к сожалению, еще страдают и от коррупции и от низкой эффективности своей деятельности» [9].

А.А. Антонов предполагает, что «целью гражданского общества должна стать задача возрождения народной целостности, формирование национальной идеи, создание базы для экономического благоденствия, в основе которых лежали бы образование, воспитание, религия, норма и закон. Должны существовать негосударственные свободные СМИ, которые дали бы людям возможность самостоятельно судить о различных политических событиях, свободно и открыто формировать свою позицию» [1].

Новые аспекты в изучении гражданского общества в России, связанные с появлением общественно-государственных институтов, можно найти в трудах И.И. Брянцева, Р.В. Евстифеева, Н.Н. Козловой, А.В. Сунгурова и др. [18–21]. Указанные авторы размышляют об имитационной природе институтов российского гражданского общества, о формировании такой модели его взаимодействия с государством как «сорботничество». В частности, Н.Н. Козлова и С.В. Рассадин указывают, что наиболее успешными модели взаимодействия общества и власти оказываются при «ориентации на проведение локальной политики малых дел» [18, с. 51].

В итоге можно сделать вывод, что многие отечественные и зарубежные политологи уделяли большое внимание взаимодействию гражданского общества и государства. Они выявили наиболее эффективные способы взаимодействия этих двух структур, основанном на общественном согласии, развитости местного самоуправления и идентичности их целей и задач.

Список литературы

1. Антонов А.А. Взаимоотношения гражданского общества и государства на современном этапе. URL: <http://www.ibl.ru/konf/130510/74.html> (дата обращения 22.05.2018).
2. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995.
3. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. №3. С. 25–36.
4. Зайцев А.В. Государство и гражданское общество: дефицит диалога // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2013/08/3703> (дата обращения 18.05.2018).
5. Зеркин Д.П., Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления. Курс лекций. Ростов-на-Дону: Издат.центр «Март», 2000. 240 с.
6. Концепция реформирования системы государственной службы России // Российская газета. 2001. 16 августа.

7. Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 126–127.
8. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля: история и современность // Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
9. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2005. 26 апреля.
10. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: Зерцало, 2009. С. 121–134.
11. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
12. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. - М.: РОССПЭН, 2000. 391 с.
13. Франция глазами французских социологов. М., Наука, 1990. 280 с.
14. Хархордин О. Проект Достоевского // Pro et Contra. 1997. Т. 2. №4. С. 38–59.
15. Чижов Д.В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008. 224 с.
16. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 30–36.
17. Taylor С. Modes of Civil Society // Public Culture. V. 3. № 1. 1990.
18. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Проблема “власть и общество” vs публичная философия стейкхолдеров гражданского общества современной России: дискурс-анализ контента общественных палат // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 47–53.
19. Брянцев И.И., Журик Т.В. Формирование актуальной «повестки» как фактор повышения устойчивости взаимодействия власти и общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 101–111.
20. Евстифеев Р.В. Использование концепции интеллектуального капитала для оценки потенциала взаимодействия экспертного сообщества и органов власти на региональном уровне // «Время больших перемен: политика и политики»: материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. /под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. 2017. С. 130–132.
21. Сунгуров А.А. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. 2018. № 4. С. 130–142.

О.В. Ковалева, Г.Т. Курбанова

Общественная палата Российской Федерации в пространстве политического управления

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается ряд нормативно-правовых актов, закрепляющих правовую основу Общественной палаты РФ, анализируются основные положения, состав и органы Общественной палаты Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный контроль, Общественная палата Российской Федерации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественный совет.

Неотъемлемым спутником правового государства является гражданское общество. Без участия со стороны общества современные государства не способны эффективно обеспечить свои функции. Активное участие общественности должно осуществлять постоянный контроль над деятельностью государства. Контроль со стороны структур общества является фактором улучшения работы государственного аппарата. Тем самым, основой правового государства и гражданского общества является система общественного контроля.

Несмотря на значительное число публикаций, посвященных анализу роли и места Общественной палаты РФ в социально-политической системе России, на настоящий момент отсутствуют комплексные исследования данной проблемы. В основном российские политологи критически оценивают потенциал влияния общественных палат на развитие публичной сферы как ограниченный [1; 2; 4; 5; 7; 10; 11; 12].

Цель статьи – исследование деятельности Общественной палаты РФ в политическом управлении современной России.

Институт общественного контроля, легализован в России с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212 – ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹. Данный Федеральный закон закрепил правовую основу осуществления контроля со стороны общества, важнейшие цели, задачи, принципы, формы и порядок проведения общественного контроля в Российской Федерации.

Ст. 12 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепляется трехуровневая система общественных палат: Общественная палата РФ, региональные общественные палаты и местные общественные палаты (советы).

Созданная по инициативе Президента Российской Федерации, Общественная палата РФ сформирована в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации»².

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об общественной палате Российской Федерации»: «Общественная палата Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в це-

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (с изм. на 29.12.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30. – Ст. 4213.

² Об общественной палате Российской Федерации : федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (с изм. на 05.12.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.

лях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления».

Цель Общественной палаты РФ – обеспечение согласования важнейших интересов граждан и общественных объединений Российской Федерации, органов государственной власти и органов местного самоуправления Российской Федерации. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации», сферами значимых вопросов, которые подлежат разрешению при помощи согласования, являются: «экономическое и социальное развитие, обеспечение национальной безопасности, защита прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционный строй Российской Федерации и демократические принципы развития гражданского общества в Российской Федерации».

К основным задачам общественных палат субъектов Российской Федерации, Федеральный закон № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»³, относит обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития субъекта Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан, развития.

С точки зрения С.В. Маркиянова, взаимодействие общественных палат субъектов Российской Федерации с органами государственной власти и институтами гражданского общества представляет собой сложное явление, цель которого predetermined самой природой и предназначением гражданского общества и состоит в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, законных интересов различных социальных групп и объединений в процессе деятельности органов публичной власти [9, с. 45].

Заключаемые общественными палатами субъектов Российской Федерации соглашения о взаимодействии и сотрудничестве определяют цели, задачи, формы и направления взаимодействия, но, также, могут закреплять дополнительные взаимные права и обязанности, в том числе процедуры не содержащиеся в нормативно-правовых актах.

Некоторые из общественных палат субъектов активно заключают соглашения о сотрудничестве, как с управлениями федеральных органов и с региональными органами публичной власти, с омбудсманами, контрольными органами, так и с палатами других субъектов, общественными организациями, в т. ч. – религиозными, с советами муниципальных образований, с право-

³ Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (с изм. на 05.12.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26. – Ст. 3852.

охранительными и судебными органами, а также органами прокуратуры, с управлениями государственных внебюджетных фондов.

Органы общественного контроля и некоммерческие организации представлены соглашениями с Координационным Советом некоммерческих организаций Республики Дагестан, с Общественной палатой Карачаево-Черкесской Республики с Общественной палатой Чеченской Республики с Общественной палатой Республики Татарстан.

Немаловажным направлением взаимодействия общественных палат субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества является их взаимодействие с некоммерческими организациями.

Как отмечают исследователи, «взаимодействие общественных палат субъектов Российской Федерации с некоммерческими организациями является одним из важных условий развития гражданского общества в регионах страны, учитывая ключевую роль региональных общественных палат в координации развития институтов гражданского общества» [3, с. 39].

В тоже время российскими правоведами и экспертами предлагались и иные формы взаимодействия, в том числе – непосредственное участие некоммерческих организаций в работе общественных палат.

Так, в ходе дискуссий по вопросу принятия указанного закона депутаты Государственной Думы Г.П. Хованская, К.А. Маркелов предложили ввести при Общественной палате Российской Федерации институт аккредитации, дополнив ст. 10 следующим текстом: «Общественные объединения, некоммерческие организации и их объединения могут получать аккредитацию при Общественной палате. Порядок и формы такой аккредитации определяются Регламентом Общественной палаты»⁴, а также заменив содержащиеся в ч. 3 ст. 9 слова «привлеченных... к работе Общественной палаты» словами «аккредитованных при Общественной палате»⁵.

Депутат Государственной Думы А.К. Исаев предложил предоставить данным объединениям право совещательного голоса: «Общественная палата имеет право привлекать к своей работе общественные объединения, представители которых не вошли в ее состав, с правом совещательного голоса»⁶.

⁴ Поправка № 85 к статье 10 члена Совета Федерации К.А. Маркелова: Таблица № 2 поправок к проекту федерального закона № 118890-4 «Об Общественной палате Российской Федерации», рекомендованных Комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций к отклонению // Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счётной палаты РФ. – М., 2011. – С. 222.

⁵ Поправка № 82 к статье 9, части 3, депутата Государственной Думы Г.П. Хованской: Таблица № 2 поправок к проекту федерального закона № 118890-4 «Об Общественной палате Российской Федерации», рекомендованных Комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций к отклонению // Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счётной палаты РФ. – М., 2011. – С. 222.

⁶ Поправка № 83 к статье 10 депутата Государственной Думы А.К. Исаева: Таблица № 2 поправок к проекту федерального закона № 118890-4 «Об Общественной палате Российской Федерации», рекомендованных Комитетом по делам общественных объединений

Изучая материалы по данному вопросу, стоит отметить, что нередко взаимодействие с органами публичной власти и гражданским обществом наиболее активно и полно осуществляется в рамках нескольких «магистральных направлений» – приоритетных направлений сотрудничества, определяемых на разные сроки.

Изучая материалы по данному вопросу, стоит отметить, что нередко взаимодействие с органами публичной власти и гражданским обществом наиболее активно и полно осуществляется в рамках нескольких «магистральных направлений» – приоритетных направлений сотрудничества, определяемых на разные сроки.

Например, в Ставропольском крае в 2017 г. взаимодействие общественных палат субъектов Российской Федерации с органами власти и общественностью реализуется в рамках нескольких направлений – противодействие наркотизации молодёжи, невыплата заработной платы, противодействие незаконным свалкам на территории региона. В рамках взаимодействия по приоритетным направлениям проводятся тематические расширенные заседания общественных палат с приглашением представителей органов публичной власти и гражданского общества.

Нельзя не отметить деятельность Общественной палаты Тверской области (далее – ОПТО).

Общественная палата Тверской области обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории Тверской области и некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных групп, осуществляющих деятельность на территории Тверской области с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти Тверской области и органами местного самоуправления, находящимися на территории Тверской области.

Поскольку ОПТО является институтом гражданского общества и ее решения не являются обязательными для органов государственной/муниципальной власти, то формы и инструменты работы ОПТО сводятся к выдвижению и поддержке гражданских инициатив, а также к общественному контролю за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления. Для более эффективной артикуляции и агрегации интересов бизнеса – власти – общества, рекомендаций государственным органам и МСУ уже в первом законе «Об Общественной палате Тверской области» данный институт был наделен правом законодательной инициативы, что следует рассматривать как значительное достижение регионального законодательства.

Основные формы работы ОПТО – пленарные заседания и заседания профильных комиссий. При определении повестки наиболее актуальных во-

и религиозных организаций к отклонению // Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счётной палаты РФ. – М., 2011. – С. 222.

просов, выносимых на рассмотрение пленарных заседаний, ОПТО учитывает тематику обращения граждан на горячую линию/личный прием, проводимый членами палаты, а также использует данные мониторингов, проводимых специально созданной комиссией ОПТО [6, с. 184].

В составе Общественной палаты действующего созыва состоят 36 человек, из них 10 человек или 27,8 % – женщины, 72,2 % – мужчины. Возрастной состав членов Общественной палаты Тверской области распределяется следующим образом: 25-30 лет – 6 чел.; 30-35 лет – 7 чел.; 35-40 лет – 9 чел.; 40-45 лет 11 чел.; 45-50 – 3 чел. Таким образом основной состав Общественной палаты состоит из опытных профессионалов, достигших возраста 35-45 лет.

Полагаем, общественным палатам субъектов Российской Федерации, необходимо расширять границы и формы взаимодействия с органами публичной власти и институтами гражданского общества. Например, действенным и эффективным направлением развития обратной связи во взаимодействии общественных палат субъектов Российской Федерации с органами государственной власти может выступать участие общественных палат в формировании кадрового резерва органов публичной власти субъектов Российской Федерации.

Существующие формы взаимодействия общественных палат с институтами гражданского общества необходимо дополнить институтом аккредитации некоммерческих организаций и их объединений при общественных палатах субъектов Российской Федерации.

Для реализации этого необходимо, по нашему мнению, внести изменения в текст Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации». Пункт 9 статьи 5 указанного ФЗ изложить в следующей редакции: «порядок привлечения к работе Общественной палаты граждан, а также некоммерческих организаций и их объединений, представители которых не вошли в ее состав, порядок аккредитации общественных объединений, некоммерческих организаций и их объединений, и формы их взаимодействия с Общественной палатой». Пункт 7 статьи 11 дополнить подпунктом 8 следующего содержания: «в соответствии с Регламентом Общественной палаты аккредитовывать некоммерческие организации и их объединения при Общественной палате, с наделением представителей аккредитованных организаций правом совещательного голоса». Кроме того, поддерживаем мнение Н.Н. Козловой и И.С. Тарковского, что «заложенный потенциал влияния ОПРФ на формирование публичной среды может быть существенно расширен за счет укрепления гражданских начал в правовом статусе ОПРФ» [8, с. 66].

Таким образом, идея создания Общественной палаты РФ, которая является посредником между властью и представителями различных социальных групп общества, является своевременной. Тем самым, на основании Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» Общественная палата РФ является площадкой для обсуждения гражданских ини-

циатив и проведения экспертиз государственных решений, которые имеют общенациональное значение.

Список литературы

1. Брянцев И.И. Способы и практики реализации экспертного потенциала гражданского сообщества в системе властных отношений на территории Саратовской области // Аналитические сообщества в Саратовской области: сб. ст. / под ред. Ш.Ш. Какабадзе. М.: «ИНТЕЛЛКОРП», 2010. С. 95–108.
2. Висханова П.Г. Общественная палата в системе гражданского общества (региональный аспект) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 11. С. 21–35.
3. Гриб В.В. Модели и принципы формирования общественных палат в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 39–42.
4. Евстифеев Р.В. Использование концепции интеллектуального капитала для оценки потенциала взаимодействия экспертного сообщества и органов власти на региональном уровне // «Время больших перемен: политика и политики»: материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. /под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. 2017. С. 130–132.
5. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Общественная палата в структуре организационно-экономических отношений: институты общественного контроля в системе ЖКХ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управления. 2018. № 3. С. 113–123.
6. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Общественные палаты в публичном пространстве региона: опыт Тверской области // Ежегодная конференция РАПН «Время больших перемен: политика и политики», Москва, 24–25 ноября 2017 г. М., 2017. С. 184–185.
7. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Проблема «власть и общество» vs публичная философия стейкхолдеров гражданского общества современной России: дискурс-анализ контента общественных палат // Вестник Тверского государственного университета. Серия: философия. 2018. № 2. С. 47–53.
8. Козлова Н.Н., Тарковский И.С. Правовые основы деятельности общественной палаты РФ: анализ потенциала влияния института на формирование публичной политики // Социально-политические процессы в меняющемся мире межвузовский сборник научных трудов. Тверь, 2017. С. 60–66.
9. Маркиянов С.В. Общественные палаты в регионах России: состояние, тенденции, перспективы // Контентус. 2017. № 2. С. 45–53.
10. Никитенко И.Г. Общественная палата субъекта РФ в системе гражданского общества // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 1. С. 49–51.
11. Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. 2012. № 1. С. 165–178.
12. Христич А.С. Общественная палата РФ: сущность и политико-правовое значение // Очерки новейшей камералистики. 2016. № 1. С. 13–16.

А.О. Илюшин

Концептуальное осмысление и практическое использование концепция политики мягкой силы в КНР

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется специфика использования «мягкой силы» в Китайской Народной Республике (КНР). Автор рассматривает отличительные черты становления стратегии «мягкой силы» с китайским уклоном.

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, стратегии развития, культурные ценности, национальная специфика.

Термин «мягкая сила» впервые использован в 1990 г. американским политологом Дж. Най [11]. Под данной политической категорией понимается способность влиять на другие государства с целью реализации поставленных целей через сотрудничество в различных сферах взаимоотношений, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия. Н.Н. Емельянова отмечает: стратегия «мягкой силы» характеризуется тем, что страна берет на себя ответственность быть стабильной, процветающей и миролюбивой. Страна наглядно демонстрирует свой привлекательный образ, который позволяет избавиться от сложившихся негативных стереотипов и привлечь сторонников [4, с. 186].

Зарубежный политолог О. Корней [6] аналогично констатирует, что стратегия «мягкой силы» – это долгосрочная стратегия, которая не способна принести значительный успех в течение небольшого периода своей реализации. Поэтому остается вопрос, насколько предпринятые Китаем шаги по реализации данной стратегии оказались успешными и есть ли необходимость в корректировке общего вектора развития. Мягкая сила позволяет государству достичь своей цели, не неся затрат, связанных с принуждением и побуждением.

Китайский взгляд на мягкую силу [5; 7] в значительной степени согласуется с определением, которое предложил Дж. Най: мягкая сила представляется как «неосязаемая, не поддающаяся количественной оценке, нематериальная или духовная сила» [5, с. 54] и «способность убедить других разумом и моральными принципами» [11, р. 354]. Тем не менее, есть некоторые важные различия с точки зрения масштабов, приложений и источников мягкой силы. Как отмечает В.И. Трифонов [10], понимание Китаем мягкой силы является более широким, чем у Дж. Ная. Оно охватывает все элементы за пределами области безопасности, в том числе инвестиции и помощь [10, с. 267–269]. Многие отечественные исследователи [1–3] также утверждают, что мягкая сила становится все более важным инструментом в современном глобальном мире, и Китай, безусловно, был восприимчив к таким взглядам.

Благодаря бурному экономическому росту на геополитическом пространстве у современного Китая появляется все больше ресурсов для решения своих международных и экономических интересов, которые распространяются далеко за пределы Китайской Народной Республики. Китай заявляет

о себе как о лидере во многих сферах: экономике, промышленности, технологиях и в частности как о космической державе [2].

В своей внешней политике Китай стремится решить несколько задач: создать мирную международную среду, в которой он сможет продолжать свое экономическое развитие и в которой можно представить себя в качестве ответственного и конструктивного игрока; обеспечить ресурсы для поддержания темпов развития; создать группу союзников, которые разделяют отрицательную китайскую позицию к внешнему вмешательству во внутренние дела страны; убедить других, что он является великой державой, возможно, способной стать вровень с США и изолировать Тайвань [1]. Китай с энтузиазмом воспринял мягкую силу в качестве одного из средств достижения этих целей и использует разнообразные инструменты для увеличения и распространения своего влияния.

Основная цель развития «мягкой силы» Китая заключается в том, чтобы повышать совокупную государственную мощь и служить строительству социализма с китайской спецификой. Целенаправленное установление «мягкой силы» Китая должно проводиться, в конечном счете, путем создания научной концепции развития. Основное её содержание включает в себя две стороны: во-первых, сближение с народом, во-вторых, умение обобщать опыт и уроки, выдвигать конкретную стратегию, а также курс и политику для ее осуществления в соответствии с требованиями реальной действительности. При этом результирующая сила зависит от степени социальной гармонии [6, с. 34–35].

Китайское правительство серьезно относится к работе с иностранной аудиторией, поскольку имидж Китая в западных СМИ часто является негативным. На сегодняшний день Китай вещает на иностранную аудиторию через такие «новые медиа», как Интернет, сотовые телефоны, мобильное ТВ, IPTV и т. д., так как они при помощи цифровых и сетевых технологий делают коммуникацию более точной и объектно-ориентированной [9].

Мирный и стабильный, но в то же время уверенный и активный характер внешней политики Китая, а также желание КНР расположить к себе другие государства позволяют понять использование Китаем «мягкой силы» в политике. Этот аспект раскрывает в статье «Внешнеполитическая стратегия КНР на современном этапе» В.И. Трифонов, делая вывод о том, что в политике Китая «на смену мягкой силы – стремление продемонстрировать нынешний конструктивный и ненасильственный характер политики КНР, привлекательный образ Китая» [10].

Национальный язык является важным источником мягкой силы, и Китай организовывает различные мероприятия по продвижению его изучения во всем мире, главным из которых стало создание центров китайского языка и культуры, известных как Институты Конфуция. Несомненно, Китай добился впечатляющих успехов в открытии Институтов Конфуция по всему миру, но реальное влияние и выгоды, которые планируется получить от этого проекта, в настоящее время ограничены формированием предпочтений в изучении языка и отношения к стране.

В Китае растет понимание связи между внутренним и внешним измерениями «мягкой силы», но не в том ключе, как того хотели бы на Западе. Речь идет не о приведении китайских внутривластных реалий в соответствие с западными политическими ценностями, а о привнесении китайских акцентов в толкование «всеобщих ценностей». Вместо либерализации и деидеологизации Китай взял курс на укрепление системы «сердцевинных социалистических ценностей», призванной стать инструментом сплочения общества. Ее элементами являются марксизм и теория социализма с китайской спецификой, отражающие чаяния людей и сплачивающие их «общие идеалы», патриотический «национальный дух» и опирающийся на реформы и инновации «дух эпохи», а также моральные ценности «социалистических представлений о почётном и позорном» [3].

Китай подчеркивает свою традиционную культуру – в том числе язык, литературу, философию, китайскую медицину, искусство, архитектуру, кухню и боевые искусства в качестве источников привлечения, а не современную культуру. Страной была разработана собственная концепция мягкой силы, которая во многом основывается на первоначальной концепции Дж. Ная, но также имеет свои уникальные характеристики [2]. Обобщая все перечисленные черты китайской «мягкой силы», или же «мягкой силы» с китайской спецификой, отечественный политолог Александр Ломанов отмечает «умение Китая заимствовать у других, не копируя чужое механически, а преломляя лучи зарубежного опыта в призме своих реалий» [5].

Китай «взял на вооружение» принципы мягкой силы по многим причинам. Во-первых, удивительное экономическое развитие Китая вселило уверенность, что КНР может стать великой державой и играть более активную роль в мировых делах. Многие китайские лидеры, политики и ученые утверждают, что это требует от Китая проведения политики мягкой силы наравне с жесткой [7]. Согласно данной точке зрения, КНР считает, что реальной ареной конкуренции в мировой политике в современном мире является не жесткая военная мощь, а мягкая сила. Например, многие китайские ученые утверждают, что мягкая сила США значительно ослабла с окончанием холодной войны и считают, что Китай способен конкурировать с ними в этой нише [9]. Китай также тщательно наблюдал за попытками других азиатских стран (прежде всего, Южная Корея, Япония и Тайвань) использовать мягкую силу и не хочет отставать от них, особенно от Тайваня. Мягкая сила также имеет важные сходства с некоторыми направлениями традиционной китайской мысли, такими как работы Сунь-цзы и Мэн-цзы, делая данный политический инструмент еще более привлекательным в Китае [8].

Китай стремится формировать «мягкую силу» с учетом национальной специфики и без нанесения ущерба собственным интересам. Реализация стратегической цели построения «могущественного культурного государства» потребует огромных инвестиций, структурных перемен в культурных индустриях, концентрации в этой сфере административных и менеджерских усилий. Ближайшее десятилетие посвящено поиску инструментов трансля-

ции в мир китайского послания, содержание которого на данном этапе еще не полностью прояснилось.

Чтобы китайская культура могла добиться успеха на мировой сцене, потребуется укрепить «культурное самосознание» китайцев, внушить им гордость за собственную культуру, предложить привлекательную и конкурентоспособную культурную продукцию. Таким образом, китайские ценностные воззрения станут частью «мягкой силы» за пределами страны, «сердцевинные ценности социализма» должны стать эффективным инструментом консолидации китайского общества.

Список литературы

1. Антонов И. Китай: пятое поколение власти // Международная жизнь. №12. 2012. С. 84–92.
2. Басов А.Н. Китай как новая космическая держава // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 20–31; Поднебесная стремится ввысь. Pravda.by 12.01.2012. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravda.ru/science/planet/space/12-01-2012/1104211/> (20.4.2018)
3. Борох О.Н. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. №4. 2012. С. 54–67.
4. Емельянова Н.Н. Перспективы «гибкой власти» в Азии // Власть. №6. 2015. С. 186–191.
5. Инь Жуюй. Формирование образа Китая на странице CGTV в социальной сети «Фейсбук»: результаты контент-анализа. // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. № 2. 2017. С. 51–66.
6. Корней О. Развитие Китая: что говорят учёные? // Китай. № 4. 2013. С. 34--36.
7. Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая. // Полис. №4. 2009. С. 149–155.
8. Радиков И.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. № 2. 2012. С. 19–26.
9. Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальное развитие, этнопсихология. / Отв. ред. Д.В Буяров. Изд. Стереотип. – М.: КРАСАНД, 2015. 296 с.
10. Трифонов В.И. Внешнеполитическая стратегия КНР на современном этапе. Китай – поиск гармонии. М.: МД «Форум», 2009. С. 266–278.
11. Nye, Jr., Joseph S. Bound to Lead: the Changing name of American Power. New York: Basic Books, 1990. 354 p.

З.А. Гаджиев, В.П. Гавриков

**Стратегические вызовы национальной безопасности РФ
в условиях современного миропорядка**

ФГБУО ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье раскрывается внешнеполитическая стратегия поведения РФ на международной арене. Автор задается вопросом о целесообразности ввода войск в Сирию в сентябре 2015 г., о последствиях данного решения (санкции, падение имиджа, информационная война). Поднимается вопрос о присоединении полуострова Крым к РФ, о ходе действий российской стороны в процессе присоединения.

Ключевые слова: кризис, терроризм, геополитика, угрозы, безопасность

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления, политологического анализа и научного прогнозирования обозначившихся в последние годы новых для Российской Федерации внешнеполитических вызовов и угроз. В условиях продолжающегося почти два последних десятилетия кризиса биполярного мирового порядка, его институтов и организаций, Россия, крайне заинтересована в поддержании стабильности, в сохранении тех элементов всеобщей безопасности, которые ценой больших усилий были сформированы в период после Второй мировой войны.

Предметным полем работы является выявление логики российской власти, выславшей свой военный контингент в 2015 г. в Сирийскую Арабскую Республику, о целесообразности данных действий. Рассмотрим имеющиеся законы РФ, на которые опирается правительство при защите своих граждан от террористической угрозы. Национальная безопасность – это «целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства и противодействию им в качестве обязательного и неперемennого условия защиты национальных интересов России» [4].

Государство обязано защищать своих граждан от агрессоров и в этой связи президент Российской Федерации издал указ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», данный указ сменил «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которая была признана устаревшей. Указ от 31 декабря 2015 г. № 683 регулирует взаимодействие министерств, органов государственной власти, органов местного самоуправления для защиты стратегических интересов и обороны границ государства. Немалая доля данного указа посвящена проблеме международного терроризма, которая является непосредственно одним из главных вызовов национальной безопасности РФ, которая затрагивает все континенты и народы. В.В. Грязнов дает следующее определение терроризму: «терроризм – деятельность неких лиц или организаций по достижению своих целей с помощью насилия, страха, убийства и террора» [2]. Сейчас это одно из самых серьезных препятствий для интегра-

ции стран. Россия активно работает в направлении разрешения данной проблемой, тратя на это большие средства, но одной нашей стране не справиться со сложившейся ситуацией, тут необходимы слаженные действия всего мирового сообщества. «Тема терроризма не выходит из заголовков газет всего мира, для примера их чудовищных деяний достаточно вспомнить теракт на борту российского лайнера, произошедший над Синайским полуостровом 31.10.2015 года унёсшая жизнь 224 человек» [3]. Это только один пример, а приводить их можно очень долго. Если мы говорим о терактах последних лет, то тут нельзя не отметить деятельность запрещенной в РФ террористической организации под названием «Исламское Государства Ирака и Леванте». Нужно подчеркнуть, что ничего общего с традиционным исламом данная шайка не имеет и только очерняет древнюю религию, которая исповедует мир и терпимость. «К сожалению, деятельность ИГИЛ распространяется по России, при чем не только на Северном Кавказе, где деятельность бандформирований активна, но и на всей территории страны, достаточно вспомнить нашумевшее дело Варвары Карауловой (Ивановой), прилежной ученицы Московского государственного университета, которая попала под давление вербовщиков террористов и уехала воевать в Сирию» [1]. Стоит отметить, что российское государство не стало стоять в стороне и ждать повторения ситуации. Были предприняты серьезные шаги по выходу из сложившейся ситуации. Они касались внутренней политики, активной борьбы с вербовщиками, ужесточению законодательства, проведению семинаров в школах и университетах об угрозе терроризма, поскольку именно на молодежь рассчитана деятельность экстремистов, делается упор на неокрепшее мировоззрение и сознание молодых людей. Что касается внешней политики, то тут нельзя не обозначить деятельность Вооружённых Сил РФ на территории Сирии, направленной против ИГИЛ. Логика действий государства ясна: не стали ждать, пока враг подойдет вплотную к границам РФ, а стали бороться с врагом на расстоянии. В планах террористов был захват всего Кавказа и установление там шариатской формы правления. Главную роль во введении войск сыграл подписанный договор 26.08.2015 г. о размещении авиационной группы РФ на территории Сирии. Начиная с 30.09.2015 г. Воздушно-космические силы Вооружённых Сил Российской Федерации начали операцию против террористов и делали это настолько активно, что международное сообщество обвинило нашу страну в ударах по мирным гражданам и умеренной оппозиции, прилагая при этом видео- и фотодоказательства. Учитывая интенсивность боевых операций России, не исключена возможность данных фактов. Россия хочет сохранить режим действующего президента Сирии Башара Асада.

Борьба с терроризмом – не единственная причина, по которой РФ ведет операцию на территории Сирии. Важнейшей причиной также видится доступ к распределению природного газа.

Одним из следствий можно считать сбитый российский истребитель на приграничной территории Турции и Сирии и убийство нашего летчика по-

встанцами с земли. Действие Анкары были неоправданными, не было никакой угрозы для безопасности Турции. Стоит сказать, что сама Анкара в разное время нарушала воздушное пространство Греции, Армении и Ирака. Мировое сообщество неохотно, но все-таки поддержало действие Анкары, в том числе и совет безопасности стран Североатлантического договора, членом которого является Турция. После сбитаго Турцией российского самолета были санкции РФ против агрессора. Это запрет турецким юридическим и физическим лицам осуществлять коммерческую деятельность на территории России, запрещение работодателям нанимать граждан Турции на работу, запрет на импорт овощей и фруктов и многие другие.

Санкции – это мера, направленная против лица, нарушающая правовые нормы. Когда мы сегодня слышим о санкциях, то имеется в виду санкции в связи с присоединением полуострова Крым к России и конфликтом на востоке Украины. 7 марта 2014 г. в отношении РФ был введен первый пакет санкций: Европейский Союз, США и Канада одновременно закрыли въезд на территорию группе российских и украинских граждан и заморозили их зарубежные счета. Далее к ним присоединились Япония, Австрия, Новая Зеландия, а так же страны, не входящие в ЕС (Албания, Черногория, Молдавия). Изначально весь мир вел борьбу только против людей, причастных к крымским событиям, далее было решено бороться со всей страной. Сначала все казалось недоразумением, поскольку нельзя изолировать целую страну от внешнего мира. Сегодня это превратилось в затяжное противостояние с неблагоприятным исходом. Запад и Россия меряются санкциями у всех на виду, запрещая друг другу экспорт товаров и услуг. Российская экономика и так трудно: нефть дешевеет, рост экономики снижается, плюс санкции. Стоит отметить положительный эффект от санкций. Это модернизация производства, импортозамещение, переустройство отечественной экономики. Если это будет достигнуто, то все попытки манипулировать нашей страной станут неэффективными, но и недооценивать санкции не стоит. Многие важные аспекты для комфортной жизни зависят от Запада, все банковские операции проходят через западные банковские системы. Компьютеры работают на американских операционных системах, с телефонами аналогичная ситуация. Происходящее вокруг санкций относится к угрозе национальной безопасности.

Но зачем РФ такие испытания связанные с присоединением Крыма? Давайте разберемся. Существует значительное количество людей, которые считают, что Крым нам не нужен, что сейчас на его развитие будут вложены огромные средства. Председатель правительства РФ Д.А. Медведев назвал конкретную сумму: до 2020 г. на Крым из бюджета выделяют 654 млрд рублей. Будем оперировать фактами, а факты говорят, что, во-первых более 50% населения Крыма – это русские, которые хотят жить в РФ. Во-вторых, это российский Черноморский флот, базирующийся в Севастополе. Если российские корабли и подводные лодки покинут свою базу, то туда сразу же придут американские военные корабли, потому что Крым – место стратегическое. В-третьих, не нужно будет делать скидку Украине на газ, которая была достиг-

нута благодаря Харьковским соглашениям, в обмен на размещение российского флота в Крыму, а соответственно, не придется больше платить за аренду Севастопольской базы. В-четвертых, между Украиной и РФ был территориальный спор в керченском проливе и РФ приходилось платить за беспрепятственное прохождение своих судов. Крым – это 4 крупных морских порта, это более 530 предприятий, многие из них находятся в кризисной ситуации, но многие функционируют. Крымские предприятия были заточены на то чтобы работать, на общую экономическую систему СССР. Когда СССР распался крымские предприятия не были так востребованы, но теперь, когда Крым воссоединился с РФ, то значение данных предприятий сильно возрастет. В Крыму огромная береговая линия, большое количество курортно-оздоровительных комплексов, виноградники – это целая индустрия, которую можно развивать и получать прибыль уже сейчас. Нельзя не упоминать о Черноморском шельфе, который богат газом и нефтью.

Оппоненты России утверждают, что в результате присоединения Крыма была нарушена конституция Украины, по которой для независимости какого-либо региона страны должен проходить всеобщий референдум, включающий все регионы страны; также был нарушен ряд международных норм прав, таких как устав ООН, Хельсинский финальный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе, Будапештский меморандум 1994 г. о безопасности и нераспространению ядерного оружия, соглашение о дружбе и сотрудничестве 1997 г. между РФ и Украиной [5]. Россия ссылается на проведение референдума в Крыму, но Венецианская комиссия и эксперты Совета Европы заключили, что референдум в Крыму был нелегитимным. Крыму нужна Россия, а России нужен Крым, но присоединение данной территории к РФ проходили с нарушениями норм международного права.

Рассматривая вопрос об стратегических вызовах национальной безопасности РФ в условиях кризиса международного порядка в первую очередь нужно отметить борьбу с терроризмом, которую Россия ведет уже не только в своей стране, но и за её пределами. Причиной тому послужила активизация террористической организации ИГИЛ, которая захватила часть территории Ирака, а затем и Сирии, установив там режим террора. Борьбу с данной террористической организацией наши Военно-Воздушные Силы ведут на территории Сирии, применяя при этом последние разработки военной промышленности. Нельзя не упомянуть ухудшение отношений России с Турцией, которая сбила российский истребитель в ноябре 2015 г. Данное событие никак не может положительно повлиять на российско-турецкие отношения, тем самым дестабилизируя ситуацию во всем Ближневосточном регионе. Сейчас Турция активно участвует в военных операциях на территории Сирии против действующей власти, таким образом, сводя на нет попытку арабского государства взять под контроль территорию страны. Что касается санкций, то от них страдает как РФ, так и те, кто их вводил, но так же санкции могут служить и построению новой модели экономики в стране.

Список литературы

1. В Москве оглашен приговор Варваре Карауловой, которая пыталась примкнуть к запрещенной ИГИЛ. URL. https://www.1tv.ru/news/2016-12-22/316662-v_moskve_oglashen_prigovor_varvare_karaulovoy_kotoraya_pytalas_primknut_k_zapreschennoy_igil.
2. Грязнов В.В. Государственная политика // Политика. 2015. 54 с.
3. Теракт над Синаем: кто ответит за ритуальное убийство 224 человек. <http://новости-россии.ru-an.info/новости/теракт-над-синаем-кто-ответит-за-ритуальное-убийство-224-человек/>
4. Прохожев А.А. (ред) Общая теория национальной безопасности 2-е изд. М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.
5. Украина первой нарушила будапештский меморандум. URL. <http://www.iarex.ru/articles/45795.html>

Ф.Л. Киракосян

Цветные революции в концепции Джина Шарпа

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрены основные концепции ненасильственной борьбы, в частности, современные подходы к пониманию ненасилия в протестных движениях, что позволило автору охватить обширное тематическое поле, посвящённое цветным революциям. Проведён анализ феномена цветных революций и выявлены их основные причины. Автор попытался описать основные методы политического ненасилия, используемые при цветных революциях.

Ключевые слова: *ненасильственная борьба, цветная революция, методы политического протеста, неправительственные организации, демократический транзит.*

Современные диктатуры хорошо подготовлены к вооружённой форме гражданского протеста. Их методы эффективны и жестоки, что стало поводом для Джина Шарпа создать альтернативные методы протеста. Создание методологии ненасильственной борьбы привели к тому, что Восточная Европа разгорелась бархатными революциями, приняв демократические ценности, а в последствии эта тенденция распространилась и на остальные континенты. Актуальность ненасильственной борьбы доказывается результативностью темпами её развития. Начало XXI в. ознаменовалось бурным развитием информационных технологий, что дало колоссальные возможности для уже зарекомендовавшей себя методологии Шарпа.

Появление феномена «цветной революции» обусловлено введением методологии ненасильственной борьбы. В связи с этим в статье будет проведён анализ причин возникновения данного феномена, будут рассмотрены основ-

ные используемые методы. Также для более детального разбора инструментария «цветных революций», будут рассмотрены основные концепции ненасильственной борьбы.

Началом современной эпохи ненасильственной смены власти принято считать события 2000-го г., произошедшие в Сербии. Данные волнения получили название «Бульдозерная революция» и их итогом было свержение режима Слободана Милошевича. После Сербии т. н. «цветные революции» разгорались на всём постсоветском пространстве и в странах Ближнего Востока, зарекомендовав себя как эффективную альтернативу смены власти, средствами прямого военного вмешательства.

Основной вклад в развитие теории «ненасильственного сопротивления» внесли такие классики как Лев Толстой [6], Махатма Ганди [10], Генри Торо [7]. Их работы легли в основу методологии ненасильственной борьбы Шарпа, который в свою очередь актуализировал теорию введением новейших средств информационных технологий.

Идеи гражданского неповиновения в разных формах возникали на протяжении многих веков, но писатель и общественный деятель Генри Дэвид Торо сумел синтезировать опыт прошлых цивилизаций и социально-политические условия своей современности. Он считал, что граждане должны опираться на справедливость, а не легальность, принимая те или иные решения [7, с. 187]. Основные тезисы своей концепции Торо сформулировал в эссе «О гражданском неповиновении». Торо видел в государстве основного противника и предлагал метод индивидуального ненасильственного сопротивления [7, с. 98]. Предполагалось полное непризнание государства, отказ граждан в любой коммуникации с государственными властями – полное неподчинение. Сам Торо выражал такой протест в примитивной форме, например, скрываясь от уплаты налогов, чтобы не «кормить» государственную машину угнетения и не поддерживать начавшуюся на тот момент войну с Мексикой.

Л.Н. Толстой перешёл к переосмыслению концепции гражданского неповиновения Торо, рассмотрев её через христианскую модель мировосприятия. В основе религиозной идеологии Толстого лежат поиск ответов на экзистенциальные вопросы и качественно «новая религия всеобщей любви, добра, ненасилия» [6, с. 518]. В условиях переосмысления христианства на Толстого повлияли идеи Руссо, сформировав тем самым облик дальнейшего религиозно-общественного движения, выступающего против насилия государства и церкви над гражданами [6, с. 519]. Поскольку в основе толстовского мирозерцания лежат первоначальные принципы христианства, главным догматом является запрет на насилие. Это предполагает, что даже на зло человек должен отвечать добром [2, с. 218]. Таким образом, вырисовывается модель ненасилия – мирной реакции человека на угнетающую его власть в лице государства.

Концепция ненасильственной борьбы, сформулированная Ганди, получила название «Сатьяграха». Движение Сатьяграха, что с индийского пере-

водится как «твёрдость в истине», боролось против принятия закона, который ввергал в нечеловеческие условия переселённых в Южную Африку индийцев, отбирая у них массу прав и фактически превращал в полурабов. Сам Ганди характеризовал движение «Сатьяграха» как мирное восстание и непримиримую борьбу индийского народа, отвергающую злобу и любое насилие. Оружием человека при такой борьбе является стойкость духа и вера в свою правоту [10, р. 36]. Сила духа, на которой основывается вся концепция, исключает трусость, с которой можно ошибочно связать ненасилие. Переломным моментом борьбы стал мирный поход протестующих, который предполагал нарушение закона, ограничивающего право перемещения индийцев между провинциями. Непринятие закона способствовало её делегитимации и в конечном итоге правительству пришлось от него отказаться и пойти на уступки митингующим.

Используя ключевые идеи и опыт индийского народного сопротивления, Шарп сумел описать и теоретически осмыслить ряд методов ненасильственного свержения власти. Описанные в книге «От диктатуры к демократии» методы ненасильственного свержения правительства были использованы в ряде стран Восточной Европы, доказав свою эффективность. В своё время это позволило американской администрации использовать идеи Шарпа как альтернативу военному методу, эффективность которого стала всё больше подвергаться сомнению после войны во Вьетнаме.

Выясним, что понимается под термином «цветная революция». В начале XXI в. в политический и политологический дискурс вводится термин «цветная революция», обозначающий смену политического режима путём мирных демонстраций, протестов либо беспорядков, обычно сопровождающихся поддержкой иностранных организаций [1, с. 59]. Для «цветных» революций характерно минимальное число жертв даже в сравнении с «бархатными» революциями конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века.

«Цветные революции» сопряжены со множеством причин, в основном связанных с политическим, социальным либо экономическим кризисом. Политический деятель К.Ф. Затулин выделяет три основные причины цветных революций:

1) глубокий внутривнутриполитический и экономический кризис. Максимально ярко это проявлялось в государствах, появившихся после распада СССР и ликвидации социалистического блока.

2) внешние факторы, такие как распространение интересов сверхдержав и международных организаций.

3) неэффективная модель экономики, неспособная создать благоприятные условия для формирования среднего класса [3].

Отдельно стоит выделить ряд внутривнутриполитических причин, характерных для цветных революций 2000-х и 2010-х гг. Это причины, связанные с внутривнутриполитическим кризисом, т.е. недостаточной свободой слова, политическими репрессиями, неэффективной работой институтов власти. К экономическим причинам можно отнести безработицу, бедность, низкое качество соци-

ального сектора, высокий уровень коррупции, неблагоприятные условия для развития частного сектора экономики и прочее. Эти признаки в конечном итоге вызывают у масс недоверие к существующей власти и запускают процесс делигитимации режима.

Внешним факторам, способствующими росту антиправительственных настроений, принято считать деятельность сверхдержав, международных блоков и организаций. В первую очередь это проявляется в деятельности посредством иностранных НКО и НПО. Иностранные НКО и НПО, которые базировались в странах, прошедших через цветную революцию, финансируются из западных фондов, целью которых является внедрение и распространение демократических ценностей, т.е. они реализуют план демократического транзита. Неправительственные организации предлагают правовую помощь, альтернативные источники коммуникаций, знакомят с основными принципами и механизмами работы институтов гражданского общества. При должной финансовой поддержке таким организациям удаётся создавать «ячейки» оппозиционных сил и курировать их, для обучения наиболее эффективными тактиками ведения политической борьбы. Наиболее весомыми организациями являются: «Национальный демократический институт», вмешавшийся в избирательные компании ряда стран Азии, Латинской Америки и Восточной Европы [4, с. 136]; организация «Freedom House», курирующая и финансирующая цветных революционеров Восточной Европы; фонд Джорджа Сороса, финансирующий революцию в Киргизии, Украине, Македонии и ряде других постсоветских государств; организация «Национальный вклад в демократию» [9, р. 56]. Все перечисленные фонды активно участвовали в поддержке так называемой «Арабской весны», например, за год революции в Египте на счета местных НПО было переведено около 150 миллионов долларов [5].

Джин Шарп доказывал, что вмешательство сверхдержав во внутренние дела того или иного государства имеют ряд важных моментов:

1) Вмешательство обусловлено экономическим либо политическим интересом внешнего актора;

2) Иностранные государства могут предполагать отказ от установленных обязательств в угоду реализации новых целей;

3) Предполагается попытка той или иной страны установить военный контроль над территорией;

4) Вмешательство в политику чужой страны может быть только тогда, когда антиправительственные силы уже начали расшатывать режим, привлекая тем самым интерес международной общественности [8, с. 15].

Отметим, что идея цветной революции ради реализации интересов отдельно взятой страны и последующий теоретический транзит демократии была озвучена президентом США Джеймсом Монро. Идея была изложена в доктрине, предполагавшей право установления проамериканских режимов в Мезоамерике. Доктрина Монро сформировала и формально закрепила мессианскую идею переустройства мира по американскому образцу [12].

Д. Шарп сформулировал четыре задачи, выполнение которых обеспечит результативное сопротивление диктатуре:

- 1) по методу Ганди предполагается установить в умах граждан уверенность в способность борьбы, вселить решимость и поддерживать волю и дух;
- 2) упрочить независимость социальных группы и институтов, подвергнутых гнёту режима;
- 3) сформировать сильное внутреннее давление на власть, группы сопротивления;
- 4) создать эффективный стратегический план и умело его реализовать [8, с. 16].

Возвращаясь к работе Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» нужно отметить, что все описанные в книге 198 методов имеют за собой опыт практического применения. Основная их часть была опробована Шарпом во время событий в Бирме, и показала себя эффективным набором средств и тактик смены власти. В последствии с каждой возникающей цветной революцией в эту книгу внедрялись новые актуальные методы. Об актуальности методов можно судить по «Арабской весне», в которой масштабно использовался интернет и социальные сети [11].

Методологию ненасильственной борьбы Джина Шарпа можно условно разделить на следующие разделы: протест и убеждение; отказ от сотрудничества; вмешательство. Для того, чтобы добиться успеха протестующим нужно комбинировать большинство методов из всех данных разделов. Одним из важнейших требований к протестующим это тщательное планирование своих действий, ведь непосредственно от этого зависит успех современной революции.

Данную методологию можно разделить на пять этапов: 1) исходная оценка и анализ; 2) разработка стратегии; 3) выстраивание возможностей; 4) открытая борьба; 5) завершение конфликта. Методология Шарпа предполагает на первом этапе анализ позиций сторон, имеющихся у них ресурсов, слабые стороны и источники власти авторитарной власти. Далее следует планирование стратегии, с последовательным установлением целей и методов борьбы. Третий этап определяет возможности реализации поставленных целей и вероятность следования выбранной стратегии. Этап открытой конфронтации опирается на дестабилизации ситуации. Здесь у протестующих есть преимущество в мобильности, так как государственная бюрократическая система не может своевременно реагировать на поступающие вызовы. Также на этом этапе протестующими применяется ряд методов, целью которых является лишение легитимности властей. Например, лишение политической поддержки со стороны силовых структур и чиновников, разрушение веры и доверия данных сил в правящий режим. Ключевым моментом является пятый этап, потому что именно на этом этапе решается судьба режима. Если начать переговоры с властью на более ранних этапах, то это приведёт к ослаблению протеста, и усилению позиций власти. Поэтому, по мнению Шарпа, перегово-

воры с авторитарным правительством следует начинать только после безоговорочной победы митингующих [8, с. 20].

В условиях развитых средств коммуникации, огромного трафика информации и увеличения урбанизированных территорий максимально эффективными стали протесты масс, руководствующихся принципами ненасильственной борьбы. Протесты XXI в. характеризуются тем, что объектом ненасильственных акций становятся не только силовые структуры режима, но и источники власти, его институты и органы. Способность лишать властные структуры легитимности, отказываться признавать их дееспособность, позволяет протестующим проникать в глубь властного механизма и манипулировать правительством. Таким образом, можно сделать вывод, что успех гражданского протеста, посредством ненасилия эффективен по той причине, что правительства государств до сих пор не разработали действенных контрметодов по противодействию этому.

Список литературы

- 1) Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социс. 2006. № 8. С. 57–66.
- 2) Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.
- 3) Затулин К. Цветные революции вызваны глубоким кризисом новых независимых государств // Кремль: ежедн. интернет-изд. 2005, 5 июля // [Электронный ресурс]. URL kreml/other/91068294 (дата обращения – 20.05.2018).
- 4) Муравчик Дж. Исследование демократии: реализация предназначения Америки // AEI Press, 1991. 208 с.
- 5) Показания свидетеля: США перевели НПО Египта \$150 млн в ходе революции // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/arab_eg/20120704/691827325.html (дата обращения – 20.05.2018).
- 6) Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. 656 с.
- 7) Торо Г.Д. О гражданском неповиновении // Торо Г.Д. Высшие законы / пер. с англ. / общ. ред., предисл., сост. Н.Е. Покровского. М.: Республика, 2001. 412 с.
- 8) Шарп Д. От диктатуры к демократии. М.: Новое издательство, 2005. 82 с.
- 9) Blum W. Rogue State: A guide to the World's Only Super power. N.Y., 2001. 155 p.
- 10) Gandhi M. Selected Political Writings / ed. D. Dalton. Indianapolis: Hackett Publishing C, 1996. 72 p.
- 11) Revolution, Facebook-Style // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2009/01/25/magazine/25bloggers-t.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения – 20.05.2018).
- 12) The Monroe Doctrine : from President James Monroe's seventh annual message to Congress, December 2, 1823 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ushistory.org/documents/monroe.htm> (дата обращения 20.05.2018).

М.С. Бородина

Воспитание толерантности у подростков: формы и методы работы

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются способы и методы развития толерантного самосознания у подростков в рамках общеобразовательного процесса

Ключевые слова: *толерантность, подростковый возраст.*

На сегодняшний день на международной арене имеют место многочисленные конфликты между государствами и населяющими их народами. Данная тенденция постоянно усиливается. Развитие указанных процессов неизбежно приводит к повышению уровня агрессии среди населения. В результате начинают размываться традиционные моральные ценности, ориентированные на гуманизм, человеколюбие, терпимое отношение к окружающим людям. Всё это в комплексе приводит к резкому осложнению криминальной обстановке в стране.

В последнее время свою негативную роль стали играть средства массовой информации, среди которых особое положение занимают так называемые социальные сети. Они зачастую создают крайне отрицательный эмоциональный фон у потребителей информационного контента. В первую очередь это касается людей подросткового возраста. В этих условиях особое значение отводится воспитанию у подрастающего поколения такого качества, как толерантность.

Толерантный человек всегда лучше находит точки соприкосновения с окружающими людьми, лучше понимает членов малой группы. Толерантные члены общества более склонны к продуктивному взаимодействию между собой, консолидации, объединению усилий для решения общей поставленной задачи. Проблемой развития у детей максимальной терпимости к окружающим занимались многие отечественные и зарубежные специалисты, например, А. Погодина, О. Кравцов, М. Рожков, О. Шарова, Б. Гершунский и т. д. При этом основной упор уделяется именно на подростковый возраст, когда у человека уже сформирована личность. Но она обладает свойством пластичности и внушаемости.

Стоит отметить, что толерантность не подразумевает под собой абсолютную терпимость к любым проявлениям окружающей реальности. До сведения молодых людей необходимо донести, что нельзя слепо отказываться от собственных искренних убеждений и следовать чужим указаниям. Также, как отмечает О.Г. Кравцов, недопустимо мириться с проявлениями несправедливости в обществе, в том числе носящих явно криминальный характер. [3, с. 190]. Смысл терпимости заключается в свободе выбора собственных убеждений с одновременным уважением права другого человека на собственные моральные и ценностные установки.

Поведение, противоположное толерантному, характеризуется выражением нетерпимости к отдельному человеку или группе людей на основе тех или иных признаков. Это может быть цвет кожи, язык, манера поведения, отношение к окружающим событиям или явлениям. Воспитание толерантного поведения должно осуществляться планомерно и поэтапно. Очень полезна коллективная деятельность, организованная в самых различных формах.

Педагогическая основа воспитания толерантного поведения у лиц подросткового возраста базируется на уважительном и терпимом отношении к мировоззрению окружающих членов общества. Как отмечает Н.С. Барбелко, при этом воспитание таких качеств, как и любых других, должно происходить путём осознания положительного опыта, пользы для самого себя такого поведения. У подростков должен закрепляться позитивный опыт существования в коллективах с разными людьми. То есть совместное существование различающихся личностей должно восприниматься в качестве нормы жизни [1, с. 104].

Воспитание у людей подросткового возраста толерантного мироощущения – это непростая задача. Данный процесс требует много времени и продвигается вперёд, в первую очередь, благодаря окружающей ребёнка социальной реальности. Очень важное значение имеет тип взаимоотношений между членами семьи, в которой проживает подросток. Многие авторы приписывают этому фактору решающее значение в формировании личностных установок молодого члена общества. Вместе с тем немалое значение имеет и деятельность педагогов в образовательных учреждениях и социальных центрах различного профиля.

Значение именно подросткового возраста в вопросе воспитания толерантного поведения не вызывает особых споров среди специалистов. Не секрет, что данный возрастной период жизни человека характеризуется окончательным становлением личности. При этом на психику ребёнка ложится достаточно большая нагрузка в виде разнообразной информации, исходящей из многочисленных источников.

По мнению И.А. Дроздецкой, среднестатистический подросток воспринимает окружающий мир по очень примитивной шкале ценностных установок. Все люди делятся на хороших и плохих без исключения. Это же касается и любых других предметов и явлений окружающей действительности. Именно через такую систему подросток старается смотреть на окружающий мир. Но эта система начинает резко ломаться и возникает своеобразный зазор, в который попадают вещи и явления вне двух крайностей. Именно этот факт должен использоваться как основа для привлечения внимания лиц подросткового возраста к ценностным установкам терпимости [2, с. 204].

Исследованием процессов формирования терпимости у детей и подростков в настоящее время занимаются педагоги и психологи. С. Мутерперель, О. Кравцов, И. Дроздецкая утверждают, что добиться максимальной толерантности в подростковом возрасте невозможно [4]. Это связано с тем, что в этот возрастной период в организме существует специфический гормональ-

ный фон. В результате неизбежны импульсивные душевные порывы, мощные эмоции и, как следствие, обязательные эпизоды нетерпимого поведения. Оно может быть направлено на членов семьи, сверстников из учебного заведения, реже на совершенно посторонних лиц.

Помимо этого, исследователь О. Кравцов указал, в подростковом возрасте силён мотив делить всех окружающих людей на две группы: свои и чужие члены общества. Это желание в глубине души присуще любому человеку и имеет свои корни в инстинктивной деятельности центральной нервной системы [3, с. 191]. Задача педагогического сообщества, по мнению С.В. Мутерперель, как раз и состоит в том, чтобы в поведении взрослеющего человека на первый план выходила рассудочная деятельность, опирающаяся на традиционные моральные ценности терпимости и уважительного отношения к окружающим людям [5, с. 5].

В своей ежедневной профессиональной деятельности педагогические и социальные работники должны ставить своей целью формирование у подрастающего поколения верной самооценки, навыков самостоятельного принятия решений. Также важное значение имеет искреннее осознание многообразия окружающего мира и населяющих его людей с уважительным отношением к каждому члену мирового сообщества.

Что касается конкретных методических мероприятий по формированию толерантного поведения в образовательных учреждениях, то эта работа должна носить систематический характер. Очень большой эффект дают совместные мероприятия, связанные с учебной и внеучебной деятельностью. Ученик нового тысячелетия должен верно понимать единство всех народов мира, уважать традиционные ценности других людей. В этом ему должна помогать правильно организованная работа в образовательном учреждении. При этом у подростков должна сохраняться известная доля терпимости к людям, имеющим на этот счёт другое мнение. В этом и заключается толерантность как таковая.

Процесс воспитания толерантности среди подростков, как уже было сказано выше, может быть организован в самых разнообразных формах. Специалисты выделяют несколько методов и форм такой работы: педагогическая деятельность в больших и малых группах; коллективные беседы; познавательные лектории; совместное обсуждение прочитанного, увиденного или услышанного материала; видеоконференции.

На сегодняшний день всё более широкое распространение получают интерактивные способы педагогической деятельности. К примеру, проводятся достаточно эффективные тренинги, целью которых является среди прочего воспитание толерантного поведения у подрастающего поколения. Всё это способствует формированию положительного опыта, касающегося продуктивного взаимоотношения с окружающими людьми такие способы повышения толерантности описаны в работах Г. Солдатовой, О. Шаровой, Л. Анн и т. д.

Отдельное внимание в процессе обучения детей навыкам толерантности уделяется способам внутригруппового взаимодействия, при которых дости-

гаются максимальное взаимопонимание и мирное сосуществование друг с другом. Как отмечает Е.М. Маркелова, отлично зарекомендовали себя игровые методы формирования толерантного поведения. Особое значение при этом имеют групповые и командные игры. Причём суть этих игр может различаться. Это могут быть подвижные, интеллектуальные, комбинированные игры. Самое главное, чтобы все участники данных мероприятий чувствовали необходимость искренней сплочённости и хорошего взаимопонимания для достижения конкретного результата игровой деятельности [4].

Не меньшее значение, как отмечает Е.А. Селюкова, имеет и формирование благоприятного психологического фона в классных коллективах образовательных учреждений. В этом могут помочь грамотное распределение функциональных обязанностей в посильной классной и внеклассной деятельности [6, с. 104]. При этом одновременно с подчёркиванием важности группового взаимодействия не должна теряться личность конкретного подростка. Внеурочная работа должна быть организована таким образом, чтобы каждый член коллектива имел возможность проявить свои индивидуальные положительные качества и задатки.

Таким образом, педагогические приёмы должны быть направлены на формирование таких условий у учащихся, чтобы им было выгодно проявлять заботу, уважительно относиться к окружающим членам малой группы. Эти факторы будут способствовать максимальному развитию толерантного поведения у каждого подростка.

Одним из направлений формирования толерантного поведения такие авторы как: Е. Маркелова, И. Дроздецкая считают так называемую проектную деятельность. Такая работа позволяет проявиться творческому потенциалу ребёнка. При этом телекоммуникационные системы используются для получения полезной, а не деструктивной информации [2, с. 205].

Стоит сказать, что формирование толерантного поведения не ограничивается простой терпимостью к окружающим в рамках ценностных установок конкретного человека. Важное значение имеет выработка навыков анализа окружающей действительности, критического отношения к негативным явлениям среди посторонних людей, в семье, в образовательном учреждении. То есть развитие личности должно представляться комплексным мероприятием. В результате общество будет пополняться личностями с развитыми ценностной и волевой сферами и с достаточным уровнем толерантности.

Список литературы

1. Барбелко Н. С. Психолого-педагогическое содержание понятия толерантность // Вестник Житомирского державного университета. 2013. № 67. С. 103–107.
2. Дроздецкая И. А. Исследование толерантности в подростковой среде как ориентир для моделирования внеурочной деятельности // Вестник ТГПУ. 2012. № 11. С. 203–205.
3. Кравцов О.Г. Роль толерантности в личностном развитии ребенка // Вестник РГГУ. Серия «Психология». 2009. № 7. С. 189–200.

4. Маркелова Е.М. Динамика личностных характеристик толерантности в подростковом возрасте. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/08/2369>
5. Мутерперель С.В. Этническая идентичность и толерантность в подростковой субкультуре. М. 2003. 17 с.
6. Селюкова Е.А. Воспитание толерантных взаимоотношений в школе. – Уфа. 2013. URL: <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/68/3587/>

К.В. Константинов

**Особенности формирования «путинской» политической элиты
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь**

Статья посвящена раскрытию основных каналов рекрутирования политической элиты России, выявлению их функций и признаков. Дается определение политической элите, анализируется специфика её формирования в России, с последующим раскрытием механизмов и особенностей сложившейся закрытой системы рекрутинга.

Ключевые слова: политическая элита, элитный рекрутинг, функции политической элиты, субэлита, контрэлита, тимократия, технократия, избирательный процесс.

В условиях низкой стабильности, внедрения принципов свободного рынка, новых социальных структур и политической неопределённости в России XX в. остро встаёт проблема воспроизводства акторов, способных сформировать костяк политической элиты. В руководстве страны запускаются метаморфозы – внедряются институты демократического строя, происходят глубинные качественные изменения, которые объявляют о новой системе формирования политической элиты. В статье предполагается выявить специфику карьерных траекторий и каналов элитного рекрутирования в российской политике.

Ещё на рубеже XIX – XX вв. теория элит была раскрыта концепциями видных исследователей Р. Михельса, В. Парето и Г. Моски. Их работы описали процесс формирования элит, ответили на вопросы «почему народ в целом не способен управлять государством?» и «как циркулируют элиты?». Правда стоит отметить, что ещё античные мыслители Аристотель, Сократ и Платон описывали тип правления, в котором обладающее имуществом цензом привилегированное меньшинство властвует над большинством. Они называли такое правление тимократией. Ими же было описана технократическая форма правления. Технократический строй предполагал, что лишь избранные мужи достойны править народом, в следствии наличия у них выдающихся качеств, например, незаурядный ум.

В российской политической науке сложилась научная школа по элитологии, наиболее значимыми представителями которой являются О. В. Гаман-Голутвина, Г.К. Ашин, А.И. Соловьев и др. [12]. О. Крыштановская, основы-

ваясь на работах классиков теории элит, даёт, на наш взгляд, самое точное определение элите: «элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса и обладающая максимумом власти». Далее исследователь поясняет, что элита принимает политические решения на уровне государственной политики, так как находится на вершине иерархической пирамиды. По той же причине элиты контролируют стратегические ресурсы, при этом не имея выдающихся качеств и должных компетенций [6, с. 246].

Для лучшего понимания современной политической элиты, выделим ряд признаков:

- 1) всегда это меньшинство общества;
- 2) имеет значительное политическое, финансовое и зачастую медийное влияние;
- 3) высокий социальный статус в обществе;
- 4) элита носит характер избранности;
- 5) имеет доступ к государственным благам в форме экономических, военных, силовых, социальных, административных и информационных ресурсов страны;
- 6) вытекающие из предыдущего привилегии;
- 7) прямое и скрытое участие в принятии политических решений;
- 8) консолидированность с прочими группами на основе интересов по обеспечению стабильности общественно-политической системы [3, с. 57].

Элиты формируют цели и предлагают пути развития общества, принимая важные политические решения, при этом используя перечень доступных государственных и иных ресурсов. В. Елизаров выделяет следующие функции политической элиты:

- 1) социальный мониторинг, отражение интересов групп и слоёв общества, которые они представляют;
- 2) интегративная функция, защита ценностей;
- 3) организаторская функция, формирование политического курса;
- 4) кадровая политика на властных уровнях, выдвижение политических лидеров из своей среды;
- 5) принятие управленческих решений;
- 6) распределение благ [5, с. 74].

Элитное рекрутирование – это процесс вовлечения индивидов либо целых групп в управленческую сферу политики [4, с. 65]. Главным параметром элитного рекрутинга являются механизмы и каналы. К механизмам рекрутирования элит относятся принципы выдвижения кандидатов, которые в свою очередь зависят от политического строя и формы стратификации общества. Каналы рекрутирования элит выражаются в ряде социальных институтов, таких как: политические партии, армия, церковь, бюрократический аппарат, этнические организации, экономические институты, организации, связанные с образованием и наукой.

Избирательный процесс оказался важным мостом между «биржей элиты» и непосредственной политической элитой России. Парламентские выборы превратились в инструмент, с помощью которого можно отсеивать лояльные кадры. Это происходило путём выбора среди членов победившей фракции. Конечно, это могло вписываться в совершенно демократическую по своей сути модель смены правящей политической элиты и усилению конкуренции, но сложившиеся на тот момент избирательные циклы оказались с рядом проблем:

- 1) наличие административного ресурса у правящей верхушки;
- 2) фальсификации результатов выборов;
- 3) наличие множества «лазеек», позволяющих гарантировать победу любому кандидату или партии [6, с. 275].

Таким образом, за счёт наличия крупного и разнообразного инструментария правящие круги способны ликвидировать политическую оппозицию, сохранять стабильность устоявшейся системы и использовать избирательный процесс как канал элитного рекрутинга.

Принято выделять две системы формирования политической элиты, так называемого элитного рекрутинга: антрепренерская система и система гильдий. Первой системе характерно формирование состава политической элиты путём отбора кандидатов с набором качеств, позволяющим им захватывать любовь публики, умением вызвать лояльность, наличием красноречия, изобретательности, остроумия. Эти качества ставятся выше профессионализма и компетентности. Антрепренерская система часто встречается в демократических обществах, так как она имеет небольшое количество фильтров, что позволяет в относительно короткие сроки входить в элиту, и является достаточно открытой для принятия в свои ряды «непрофессионалов» политики.

Система гильдий, напротив, формирует свой состав по принципу прохождения кандидатов через множество фильтров. Постепенное продвижение кандидата предполагает выявление в нём таких качеств как: партийный стаж, уровень образования, способность общения с людьми, характеристики менеджера и прочее. Данная система является закрытой и направлена на поиск и подготовку узких специалистов, в основном руководящих должностей.

Система гильдий в советский период переросла в особый вид – номенклатурная система. Она получила своё распространение в ряде социалистических государств, где ключевые государственные посты были заняты партийной номенклатурой. Такая система абсолютно вся основана на государственной собственности, административном управлении и директивном планировании. Основными характеристиками номенклатурной системы являются: максимально закрытая система, всевластие, корпоративная солидарность, строгая иерархия. Из этого вытекает, что при такой системе назначение на руководящие посты любого уровня не возможны без согласования партийных органов, продвижение по служебной лестнице затруднено надобностью в «показном активизме». Но данная система имеет завидную стабильность, так как в ней сведены на нет любые внутриэлитные конфликты.

В модели рекрутирования элиты России произошли фундаментальные преобразования, когда доминировавшей номенклатурной системе была противопоставлена система, следующая принципам элитного плюрализма. По мнению политолога А.И. Соловьёва, в России сложилось сразу четыре вида систем формирования элиты: универсальный (антрепренерская и система гильдий), национально-страновой, региональный и местный [7, с. 13]. Но Соловьёв отмечает, что устоявшаяся в России система элитного рекрутинга по большей части является номенклатурной, а элементы антрепренерской системы являются лишь фасадными. Немецкий политолог Э. Шнайдер, посвятивший ряд работ современному политическому строю России, установил, что формирование т. н. «новой политической элиты» началось уже в существующей на тот момент советской элите. Тогда это образование имело формат контрэлиты, но в дальнейшем она распространилась в различные группы федерального уровня [9, с. 233].

Политологами принято считать, что развитие современной российской элиты происходило в два этапа: ельцинский и путинский. Ельцинский период предзнаменовался тотальным омоложением элиты, исключением из неё большой доли представителей сельского хозяйства и набор образованных специалистов, которые не были связаны с уже ушедшей на тот момент номенклатурой. О. Крыштановская считает, что проблемой ельцинского этапа явился крах интеграционных процессов верховной власти, запущенный Б. Ельциным. В то же время ни одна государственная структура не смогла набрать достаточного политического веса и властного капитала, чтобы обеспечить себе доминирование. Это поспособствовало разгулу криминальных группировок и политических кланов, которые забрали некоторые государственные функции [6, с. 235].

На этом же этапе остро встал вопрос преемственности элит, вызванной процессом рекрутирования в субэлитах. Исследователи определяют субэлиты как «верхний слой» политической элиты, который символизирует «динамичное ядро среднего класса» [1, с. 258]. Парадоксальность описания данного слоя одновременно «верхним» и «средним» в том, что субэлиты в российском обществе имеют признаки и качества среднего класса западных обществ. Субэлиты формировались по-разному, например, региональная и президентская группа образовалась на базе чиновничьего аппарата СССР, бизнес-элиты отдавала предпочтения набору кадров из комсомола, правительство же привлекало рекрутов из хозяйственников, дипломатов и «силовиков» [6, с. 264]. В России образовалось шесть основных субэлитных групп, имеющих непосредственное влияние на политику и экономику государства: высшее руководство страны, бизнес-элиты, партийная элита, непосредственно правительство, парламентская элита, региональная элита

Особенностью путинского этапа является запуск процесса реставрации вертикали власти, которая была успешно демонтирована правлением Ельцина. Данный этап ознаменовал начало централизации власти: властные полномочия перешли от регионов к федеральному центру, была расширена база

поддержки центра на местах, был взят курс на восстановление действовавших ещё в советские периоды механизмов управления территориями. [8, с. 18]. Началось создание такой системы управления, при которой региональная власть перешла из стана свободных и автономных партнёров федерации в подданных президента. Элитолог Л. Андрусенко считает, что В. Путин смог сформировать «монархическую систему», сохраняющую политико-идеологическое единство [2, с. 13]. При нём актуализируется парадигма «хороший царь — плохие бояре», хотя фактически законодательство перестраивается под расширение полномочий президента. Указ Президента РФ от 21 мая 2012 года №636, по которому под личное руководство Президента ушёл целый ряд федеральных органов исполнительной власти [10]. Так же Президент является верховным главнокомандующим, он вправе распустить Государственную Думу, отправить правительство РФ в отставку, отменять законодательные акты и вводить чрезвычайное положение. Эти условия сформировали стабильную систему рекрутинга, которая зиждется на «корпоративной этике». Особенностью такой системы является закрытая модель отбора в политическую элиту индивидов на основе принадлежности к «команде». Так называемая «команда» предполагает, что существуют определённые группы, имеющие возможность вхождения в политическую элиту. К таким группам можно отнести, например, «силовиков» и «земляков», т. е. лиц, которые так или иначе связаны с президентом. Например, в 2016 году сразу трое бывших охранников В. Путина были назначены врио губернаторов Тульской, Ярославской и Калининградской областей [11].

Такой механизм рекрутирования приводит к установлению в России новой формы политической элиты, которая совмещает в себе как технократические элементы, так и тимократические. Например, закрытость тимократической системы позволило внедрить во власть поколение новых технократов, которые заведомо являются представителями правящего класса. Это обеспечивает стабильность установившейся системе, так как молодые кадры воспроизводятся непосредственно в элитных кругах. В результате в политическую элиту вводились кадры по профессиональному признаку, среди которых было много выходцев из силовых структур, партийных деятелей и чиновников. Стоит отметить, что даже внутри партий существует аналогичная система элитного рекрутирования, что предполагает ещё один уровень качественного и профессионального фильтра.

Таким образом, элита представляет собой правящую группу общества, являющуюся верхней стратой политического класса и обладающую максимумом власти. Сложившаяся в России система формирования политической элиты основывается на советской номенклатурной системе, но включает в себя адаптированные демократические институты и признаки гильдейской системы. Российская политическая элита использует советский опыт, что проявляется в низкой публичности элиты и в отсутствии внутренней конкуренции. Наличие внешних черт демократической модели формирования элиты и крайне низкая функциональность таковых является спецификой уже

стабильно существующей системы. Основной политической силой в современной России остаются административно-политическая элита, которая представлена административными и силовыми органами, и представители бизнес-элиты, тесно связанные с политикой. На первый план выходит проблема становления компетентной и профессиональной политической элиты, так как процесс подбора высших госслужащих непрозрачен, а избирательная система имеет изъяны.

Список литературы

1. Авраамова Е.М. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф. 2003. 506 с.
2. Андрусенко Л. Медведев и призрак либерализации // Политический журнал. 2008. № 4. С. 7–11.
3. Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философия науки. 2005. № 7. С. 55–67.
4. Вартумян А.А., Поляков А.В. Региональные политические элиты: формирование, строение, институционализация. Ставрополь: Базис, 2004, 80 с.
5. Елизаров В.П. Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // Полис. 1999. № 1. С. 72–79.
6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005, 384 с.
7. Соловьёв А.И. Формирование элит в механизмах государственной власти и управления // Процессы формирования правящей элиты в механизмах государственного управления в России. Москва. Выпуск №2 (32) С. 5–27.
8. Шибутов М.М., Собянин А.Д. Российская элита эпохи Владимира Путина в преддверии перемен // Республика. 2008, № 3. С. 17–19.
9. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. М., 2002, 264 с.
10. Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. N 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL:<http://base.garant.ru/70178476.html> (дата обращения 20.06.2018)
11. Президент создает новый кадровый резерв из своих бывших охранников // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/08/01/651204-prezident-sozdaet-novii-kadrovii-rezerv-svoih-bivshih-ohrannikov.html> (дата обращения 20.06.2018).
12. Гаман-Голутвина О.В., Авдонин В.С., Сергеев С.А., Черникова В.В., Сиденко О.А., Соколов А.В., Евдокимов Н.А., Тупаев А.В., Слатинов В.Б., Жуков И.К., Козлова Н.Н., Рассадин С.В., Чугров С.В., Никовская Л.И., Сунгуров А.Ю. Региональные политические процессы: насколько “субъектны” субъекты РФ? // Полис. 2013. № 5. С. 59–76.

И.А. Конфоркин

Политико-правовые и экономические аспекты лесного браконьерства

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы политико-правовые и экономические аспекты незаконной рубки лесных насаждений, как одного из наиболее распространенных и общественно опасных противоправных посягательств на окружающую природную среду, представляющих угрозу национальной безопасности, как в экологическом, так и в экономическом отношении. Обоснован вывод о том, что повсеместное распространение, значительные масштабы, высокая доходность, организованный и транснациональный характер лесного браконьерства, выступают социальным основанием для его дальнейшей криминализации.

***Ключевые слова:** экологическая политика, лес, лесные насаждения, лесное браконьерство, лесонарушения.*

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [3, с. 24] (далее – Основы экологической политики) поставили стратегическую цель государственной экологической политики: решение социально-экономических задач, способствующих экологически ориентированному росту экономики. Исходя из заданного курса, требуется формирование такой модели развития экономики, которая будет обеспечивать наибольший эффект, во-первых, при сохранении окружающей природной среды, во-вторых, при ее рациональном использовании и, в-третьих, при минимизации негативного антропогенного воздействия на природу.

В Основах экологической политики обращено внимание на необходимость создания структурно-целостной, комплексной и непротиворечивой системы законодательства Российской Федерации, в том числе и в области рационального природопользования, борьбы с экологическими правонарушениями и преступлениями.

Одним из важнейших объектов природы является лес. Этот компонент окружающей среды включает в себе огромный ресурсный потенциал и выполняет различные экологические, экономические, культурные и рекреационные функции. В Лесном кодексе Российской Федерации определение леса отсутствует, однако в статье 5 этого правового акта сказано, что использование, охрана, защита и воспроизводство лесов осуществляется исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе.

Леса являются одним из основных видов природных ресурсов Российской Федерации. По данным Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в Российской Федерации, в 2014 г. на 1 января 2015 г. площадь земель лесного фонда составила 1 122,6 млн га [4, с. 24].

В последние годы в Российской Федерации отмечается значительный рост нарушений лесного законодательства. В первую очередь речь идет о широкомасштабном лесном браконьерстве, выражающемся в преступных вырубках лесных насаждений. Эти посягательства представляют угрозу национальной безопасности, как в экологическом, так и в экономическом отношениях.

За последние десятилетия с лесным браконьерством произошли качественные изменения. Незаконная рубка лесных насаждений в начале 90-х годов двадцатого века твердо занимала третье место в структуре противоправных браконьерских посягательств на природу после незаконного рыболовства и незаконной охоты. Доля этого преступления не превышала 10% от общего числа всех регистрируемых преступлений против окружающей природной среды и природных ресурсов. В то время они относились к числу хозяйственных преступлений [9, с. 16].

Тенденция к преобладанию лесного браконьерства над другими формами браконьерских посягательств начала формироваться в конце 90-х годов прошлого столетия и уже в 2003 г. их доля в структуре экологических правонарушений достигла 50 %. В последние годы количество незаконных рубок лесных насаждений также продолжало увеличиваться. Так в 2013 г. было зафиксировано около 30 тыс. случаев незаконной заготовки древесины. По данным фактам в 2013 г. в следственные органы было передано 17 425 дел, возбуждено 12 875 уголовных дел (74%), к уголовной ответственности привлечено 2 588 человек [8, с. 17].

Сегодня широкомасштабные незаконные рубки лесов отмечены по всей стране. Особое распространение они получили в так называемых «лесистых» регионах, в том числе и в Тверской области. Подобные действия превратились в чрезвычайно негативное и опасное социальное явление. По нашему мнению это связано, прежде всего, с экономическими реалиями. Лесонарушения стали чрезвычайно доходным видом противоправной деятельности.

Неотъемлемым, существенным свойством любого преступления является общественная опасность, которая отражает его социальную сущность и выступает объективной предпосылкой и основным критерием его криминализации. Общественная опасность – это причинение вреда тем или иным общественным отношениям, благам, интересам. Незаконные рубки лесных насаждений, разумеется, общественно опасны, они причиняют вред экологической и экономической безопасности государства, имеют транснациональный характер, являются благодатной почвой для развития организованной преступности и коррупции, подрывают основы экономической политики государства.

По официальным данным в 2004 г. объем нелегальных рубок в России достиг 5% от общего объема рубок леса, который оценивался в 2003 г. в 173,5 млн кубометров. Таким образом, Правительство косвенно подтвердило, что действительный объем незаконных рубок в 2003 г. составил порядка 8-9 млн. кубометров [11, с. 31]. В то же время представители российского отде-

ления «Гринпис» оценивают объемы незаконных рубок лесных насаждений намного больше – в 22 млн кубометров в год. По данным Всемирного фонда дикой природы, объем незаконных рубок в стране составляет около 30%, а в отдельных регионах – до 50% от общего объема ежегодно вырубаемой древесины [6, с. 105]. С мнением экологов солидарны и ученые-юристы. Так, например Э.Н. Жевлаков отмечает, что в настоящее время не менее 20% древесины общим объемом более чем 22 млн кубометров заготавливается либо незаконно, либо с грубыми нарушениями лесного законодательства [5, с. 29].

В последние годы ежегодный ущерб, причиняемый экономике страны криминальными лесозаготовками, исчисляется миллиардами рублей. По данным субъектов Российской Федерации, ущерб от незаконной заготовки древесины только за девять месяцев 2014 г. в объеме 828,7 тыс. куб. м древесины оценивался в 7,3 млрд рублей, а совокупный доход от общего объема незаконных рубок составил примерно 230-250 млрд рублей [10]. Учитывая, что стоимость готовой продукции, произведенной из незаконно вырубленного леса, многократно превышает стоимость древесины официально отпускаемой на корню, можно ориентировочно предположить масштабы теневого оборота незаконного лесозаготовительного бизнеса.

Уже давно замечено, что криминальная среда становится организованной и профессиональной, когда в структуре ее функционирования появляются признаки нелегальной экономической деятельности, то есть планомерного, целенаправленного извлечения незаконных доходов. Лесное браконьерство – яркая иллюстрация этого положения. По предварительным подсчетам незаконная прибыль от такой деятельности чрезвычайно высокая и достигает 300-500 % [7, с. 72–74]. Разумеется, сверхприбыльность привлекает в эту сферу организованную преступность и способствует созданию коррупционных связей в системе государственных органов.

Прежде всего, это прямой подкуп соответствующих должностных лиц правоохранительных органов и органов исполнительной власти. Во-вторых, это лоббирование своих интересов вплоть до федерального уровня в законодательной деятельности, а также нейтрализация усилий государственных органов и общественности по противодействию незаконному лесному бизнесу. И, наконец, это прямое физическое воздействие на противников любого уровня.

В последние годы нелегальная заготовка и контрабандный вывоз леса в России приняли столь значительные масштабы, что это предопределило возникновение уникального транснационального социального феномена. Некоторые сопредельные государства, например Китай, Финляндия, Эстония, значительно сократили вырубку собственного леса, экономически рассчитывая на более дешевое сырье у нас в стране, невзирая на его нелегальное происхождение. Перед нами пример, образно говоря, своеобразного «криминального паразитизма».

К незаконной рубке леса зачастую оказываются причастны должностные лица лесоохранных структур, местных администраций и правоохранитель-

ных органов. Они обладают необходимыми профессиональными знаниями и опытом, хорошо знают технологию лесозаготовительных работ, особенности учета вырубленной древесины и контроля за ее дальнейшим движением, имеют широкий круг социальных связей. Вовлечение таких «специалистов» в противоправную деятельность позволяет лесным браконьерам более тщательно спланировать предстоящие незаконные рубки леса.

Развитию незаконного лесного рынка во многом способствует недостаточный (по сравнению с криминальными группировками) уровень материально-технического обеспечения и социальной защищенности работников лесного хозяйства, а также массовая безработица среди граждан, проживающих в сельских населенных пунктах, прилегающих к крупным лесным массивам. Нелегальная заготовка древесины для таких граждан стала стабильным источником доходов, а организаторам незаконных рубок леса она приносит колоссальную прибыль.

Таким образом, лесное браконьерство следует рассматривать не только как экологическое правонарушение, но и как противоправное деяние, нарушающие установленный порядок лесопользования, подрывающее основы экологической и экономической политики российского государства, посягающие на его экономические основы. При этом повсеместное распространение, значительные масштабы, высокая доходность, организованный и транснациональный характер лесного браконьерства, вовлечение в него государственных и муниципальных служащих, выступают как социальное основание для его дальнейшей криминализации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ; от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ; от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237; от 21 января 2009 г. № 7; от 07 февраля 2014 г. № 27; от 23 июля 2014 г. № 163.
2. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2017 г. № 471-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278; 2018. № 1 (Часть I). Ст. 5552.
3. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс». 2018.
4. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации, подготовлен Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии. М., 2015.
5. Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана окружающей природной среды в Российской Федерации. М., 2009.
6. Куликов Г.В., Кукуев Ю.А. Берегите лес // Закон. 2002. № 12. С. 103–105.

7. Ларичев В.Д., Деревянко Е.О., Мазеин В.Т. Характеристика коррупционных проявлений в сфере использования и охраны естественных природных ресурсов // Адвокат. 2014. № 12. С. 71–90.
8. Леса России. Информационный бюллетень. М., 2014.
9. Плешаков А.М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (теоретический и прикладной аспекты): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М.: Академия МВД России, 1994. 44 с.
10. Смолякова Т. Срубил – в тюрьму // Российская газета. 8 октября 2014 г.
11. Сухих В.И. Проблема незаконных рубок в России и пути ее решения // Лесное хозяйство. 2005. № 4. С. 31–53.

В.А. Калтайс

Группы давления в концепции М. Дюверже

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрена классификация групп давления, предложенная М. Дюверже. Проведён анализ деятельности групп давления в партийной политике и их влияния на государственную власть. Сравниваются две основных классификации групп давления и выявляются их фундаментальные различия. Автор изучил методы, используемые группами давления.

Ключевые слова: *группы давления, группы интересов, политические партии, заинтересованные группы, лоббизм.*

Конец XX в. ознаменовался появлением ряда молодых демократических государств, в политических системах которых начали появляться новые политические институты. Это привело к трансформации взаимоотношений между ветвями власти и качественно новым отношениям государства и бизнеса. В связи с этим группы давления начали активно проникать в политическую жизнь новообразованных демократий, внедряя свои интересы во властные структуры, посредством взаимодействия с множеством политических сил. Для детального разбора методов и механизмов работы групп давления по Дюверже, следует разобрать практическую деятельности данных групп в политической борьбе. Требуется анализ структуры групп интересов и групп давления, для выявления средств и инструментов влияния на властные отношения в политике.

Изначально стоит установить, что структурная основа групп давления очень схожа со структурой политических партий. Анализ этого факта позволит подробнее разобраться в сущности каждой из этих политических феноменов. Классификация М. Дюверже разделяет два вида групп давления: специальные (их ещё называю «исключительные») и частичные [1, с. 267]. Специальные группы давления характеризуются тем, что их главной задачей является согласование и донесение до властей интересов каких-либо групп,

например, профсоюзов рабочих, ассоциаций, всяческих парламентских лобби. Они используют методы давления на политическую власть, чтобы добиться поставленных задач. Такие группы заняты лишь реализацией своей политической деятельности и не выполняют иных задач, чего нельзя сказать о частичных группах. Частичные группы давления очень схожи с институализированными группами, но помимо реализации основных полномочий они отстаивают широкий спектр социальных интересов. Частичные группы иногда тоже используют тактику давления на власть, для удовлетворения интересов членов своей группы. Впервые частичные группы использовали подобную тактику в США, оказывая давление на государственный аппарат. В дальнейшем такие методы стали использовать даже официальные и общественные группы [3, с. 67].

Проводя аналогию с классификацией политических партий Дюверже, группы давления можно разделить на массовые и традиционные. Различия между массовыми и традиционными группами давления фундаментальны. Массовые группы давления, следуя схеме массовых партий, стремятся как можно больше расширить количество участников, ведь их численность определяет политический вес группы. Массовость организации предполагает наличие развитой иерархии, подобно той, которая существует в профсоюзах. Тем не менее современные массовые группы давления существуют и в формате молодёжных движений, спортивных ассоциаций и прочих образований, в которых организация довольно абстрактна и расплывчата. Массовые группы давления организованы по принципам формирования крупных сегментов общества. Ярким примером этого служат попытки создания подобных структур на основе профсоюзов, когда аналогичные действия параллельно выполнялись социалистическими партиями. Последствием этого стало развитие рабочего движения и политизация социальных движений. Начиная с 60-х годов XX века участилось создание массовых групп давления, не связанных по социальному признаку, но имеющих общую цель. Такими объединениями были движения за запрет ядерного оружия, борьба с расизмом, требования о прекращении войны во Вьетнаме [4, с. 8]. В таком формате у массовых групп давления преимущество перед массовыми партиями, так как граждане охотнее проявляют свою позицию, когда нет нужды в выборе стороны той или иной партии. Такая позиция распространена в Канаде, где любой региональный кандидат, даже будучи членом какой-либо партии, во время избирательной кампании представляет лишь себя и впоследствии после избрания руководствуется общими интересами региона, а не партии [7, р. 343]. Стоит отметить, что феномен массовых групп давления создал политическое явление, называемое «параллельной иерархией». В странах западной политической традиции широко распространено членство граждан в различных группах, таких как кооперативы, союзы и прочие гражданские организации. «Параллельная иерархия» позволяет гражданам проявлять активную гражданскую позицию и участвовать в выдвижении определённых требований, используя весомое общественное давление.

Традиционные группы давления следуют принципам элитарности и имеют своей целью поддерживать качество своей организации и участников. Как и элитарные партии, традиционные группы тщательно подбирают своих кандидатов и принимают в свои ряды наиболее прибыльных и авторитетных лиц. Также данным группам характерна узкая направленность интересов, поскольку они видят в такой стратегии наиболее эффективный способ реализации поставленной цели. Всяческие ассоциации руководителей предприятий, высших чиновников администраций, профессоров и т. п. объединяются в традиционные группы давления, так как по своей сущности являются малочисленными и элитарными социальными единицами [2, с. 255]. Острее встаёт вопрос, когда в таких группах объединены деятели искусства, чья политическая активность зачастую носит значимый характер в методах давления.

По мнению Дюверже существует два основных направления работы групп давления: 1) непосредственное оказание давления на государственные органы власти; 2) деятельность по формированию общественного мнения. Дюверже акцентировал внимание на ключевом отличии политической партии от группы давления: первые стремятся завладеть властью, тогда как вторые занимаются лишь продвижением интересов. В своей основе группы давления не имеют никаких связей с партиями, но существенная часть является исключением. Взаимоотношения между ними можно разделить на три вида:

1) главенствующая роль взаимоотношений принадлежит политической партии (например, советская модель взаимоотношений, когда группа давления создана как вспомогательная организация, задачей которой является подчинение указаний партии);

2) главенствующая роль взаимоотношений принадлежит группе давления (например, ранняя лейбористская партия Британии, которая была сформирована на базе участия в ней представителей союзов, кооперативов и прочих групп давления, непосредственно управлявших решениями партии);

3) относительно равноправное сотрудничество под эгидой реализации общих интересов (очевидным примером постоянного сотрудничества являются отношения, сложившиеся в странах Скандинавии. Там политические партии социал-демократического толка охотно делегируют ряд полномочий различным профсоюзам и гражданским организациям, с целью взаимопомощи и развития).

Эффективную деятельность группам давления обеспечивает ряд используемых ими методов:

- публичные акции (пикеты, митинги);
- организация определённой кампании в СМИ, для обозначения важности проблемы;
- пассивное сопротивление и бойкоты;
- обращение к чиновникам, посредством петиций и писем;
- непосредственное обращение к услугам лоббистов для продвижения законопроектных и политических решений.

Нельзя не упомянуть также о таком незаконном методе, как подкуп должностного лица. Дюверже считал, что установленный жесткий контроль за деятельностью групп интересов в странах западной демократии, позволил заменить функции коррупции функциями информации. Он объяснял это тем, что старые методы давления постепенно исчезают, прямой подкуп используется группами давления всё реже, знакомство с политическими акторами и последующее влияние на них не подрывает их имидж и честность, финансирование тех или иных политических сил устанавливается в законодательные рамки. Дюверже утверждал, что такая «полукоррупция» последовательно теряет актуальность и отмирает, в связи с развитием гражданского общества и диалога государства с обществом. На место коррупции пришло информирование, которое постоянно развивается и совершенствуется. Информация стала ресурсом, которым расплачиваются между собой группы давления и политические акторы. Так парламентарии могут налаживать каналы, из которых поступает важная информация, и корректировать свои политические решения. Здесь возникает такая проблема, как «пропаганда» со стороны групп давления. Информация, поступающая от этих групп зачастую необъективна, и имеет за собой цель распространить свои интересы среди политических акторов.

Методы групп давления также разделяются на скрытые и открытые. Скрытыми действиями является в первую очередь материальная помощь той или иной политической силе, например, посредством скрытого финансирования избирательной компании. Как известно, например, в США успех президентской компании кандидата во многом зависит от его «спонсоров». Кандидаты заключают с финансовыми источниками негласные контракты и за предоставленные средства обязуются реализовать интересы «спонсора» [5, с. 356]. Скрытыми действиями также являются договорённости, основанные на личных связях участника группы давления с политическим актором (министром, депутатом, конгрессменом, главой ведомства и т.п.). По своей сути эти действия можно характеризовать как лоббизм.

К открытым действиям относятся публичные заявления представителя группы давления, требование к политическому актору (например, требование к выполнению обещаний, озвученных в ходе президентской компании), создание межпартийных групп давления, формирование парламентских законодательных ассоциаций, использование делегаций на базе парламентских групп и прочее. Подобные настроения часто ведут к созданию альтернативных партийных организаций, которые оказывают давление непосредственно на законодательную власть, как это было в Италии [6, с. 366].

Практика показывает, что большинство групп давления не имеют прямых связей с политическими партиями. Однако некоторые группы имеют постоянные и эффективные структурные связи с политической партией, что позволяет выделить три вида отношений:

- 1) подчинение групп давления политическим партиям;
- 2) подчинение политических партий группам давления;
- 3) равноправное сотрудничество во имя достижения общих целей.

Модель взаимоотношений, при которой группы давления подчинены политической партии, распространена в социалистических партиях, которые формируют вспомогательные организации, такие как: молодёжные объединения, профессиональные и иные ассоциации, тематические общественные комитеты, кооперативы и прочее. Не секрет, что большая часть профсоюзов зависит от социалистических партий, но обе стороны зачастую это скрывают. Так было во Франции с профсоюзным объединением «Всеобщая конфедерация труда» и местной коммунистической партией.

Вторая модель заключается в зависимости политической партии от группы давления. Очевидным примером здесь является Лейбористская партия Великобритании, которая изначально была сформирована из представителей профессиональных союзов, ассоциаций и кооперативов. Исторически сложилось, что партии с левой экономической направленностью чаще зависят от групп давления, нежели правые.

Равноправное сотрудничество в основном базируется на ситуации, например, во время электорального цикла политической партии нужна поддержка какой-то политической группы, либо поддержка массовых выступлений по определённому политическому вопросу. Такие ситуативные проявления равноправного сотрудничества происходят довольно часто: создание единого фронта в Бельгии для сопротивления Леопольду III; формирование в 60-х годах XX в. комитетов во Франции, обеспечивающих политический баланс в стране; ситуационные объединения американских профсоюзов с Демократической партией и прочее. Впрочем, постоянное сотрудничество тоже имеет место в современной политике, так в ряде скандинавских стран, где сильно развито гражданское общество, политические партии тесно взаимодействуют с обществами взаимопомощи, этническими объединениями, профсоюзами и кооперативами. Такие взаимоотношения обеспечивают политическим партиям обратную связь с обществом и поднимают эффективность принятия политических решений.

Таким образом, Дюверже выделял специальные и частичные группы давления, которые используют ряд скрытых и открытых методов, для продвижения интересов социальных групп. Группы давления разделяются по структуре на массовые (количественные) и традиционные (качественные). Современные группы давления, помимо традиционных методов продвижения своих интересов, активно используют информационные каналы. В партийной политике деятельность описываемых групп отражается в разнообразных моделях взаимоотношений, формируемых историческими либо ситуационными особенностями.

Список литературы

1. Дюверже М. Партийная политика и группы давления. Сравнительное введение // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4. С. 261–271.
2. Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 558 с.

3. Зяблук Н.Г. Общественные интересы в политическом процессе США. М.: «ИСКРАН», 2004. 123 с.
4. Любимов А.П. Правовые институты демократии России и стран Европы. Выборы, лоббизм и парламентаризм (сравнительный анализ) М., 1999. 58 с.
5. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008. 501 с.
6. Синдева О.Ю., Василенко С.А.. Взаимодействие социальных сетей и популизма в ЕС на примере «Движение пяти звёзд» в Италии // Азимут научных исследований: экономика и управления, 2017. Т. 6. № 2(19). С. 364–367.
7. Graines B.J. Duverger's Law and the Meaning of Canadian Exceptionalism // Comparative Political Studies. 1999. October. Vol. 32. Issue 7. 843 p.

Р.Т. Курбанов

Государственная политика в сфере малого и среднего бизнеса в России (2010-2017 гг.)

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье осуществлен анализ развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в период с 2010–2017 гг. Раскрыты основные направления государственного регулирования малого и среднего бизнеса, а так же дана характеристика нормативно-правовых актов в сфере государственного регулирования малого и среднего предпринимательства за период с 2010 по 2017 гг.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, индивидуальные предприниматели, государственное регулирование экономики, государственная поддержка бизнеса, административные барьеры, органы государственной власти, конкуренция, налоговые инструменты.

По результатам сплошного федерального статистического наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2017 г. среди малых и средних предприятий насчитывалось 5 млн хозяйствующих субъектов. Этот показатель включает как число юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей, являющихся работодателем для 18 млн граждан. Двадцать процентов валового внутреннего продукта России, а во многих субъектах Российской Федерации гораздо больше, создаются организациями малого и среднего бизнеса.

Анализируя численность предприятий малого и среднего бизнеса на начало 2017 г., мы наблюдаем положительную динамику, что подтверждают данные рисунка 1 [14, с. 45].

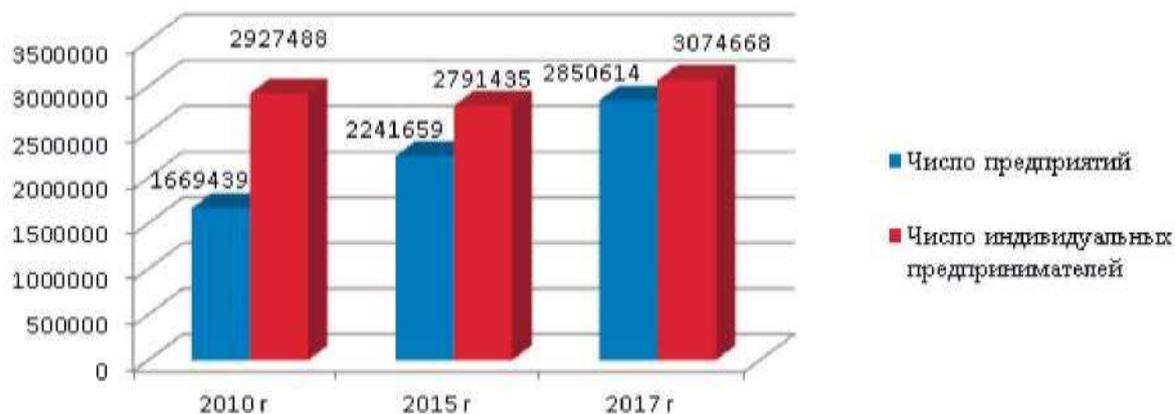

Рис. 1. Численность субъектов малого и среднего бизнеса в период с 2010 по 2017 гг.

Необходимо отметить, что представленные показатели не раскрывают информацию о фактическом ведении предпринимательской деятельности. Если средние предприятия достаточно устойчивы в функционировании, то среди малых и микропредприятий одна третья часть не осуществляет финансово-хозяйственной деятельности. Среди индивидуальных предпринимателей (ИП) этот показатель составляет 25 % (см. рис. 2).

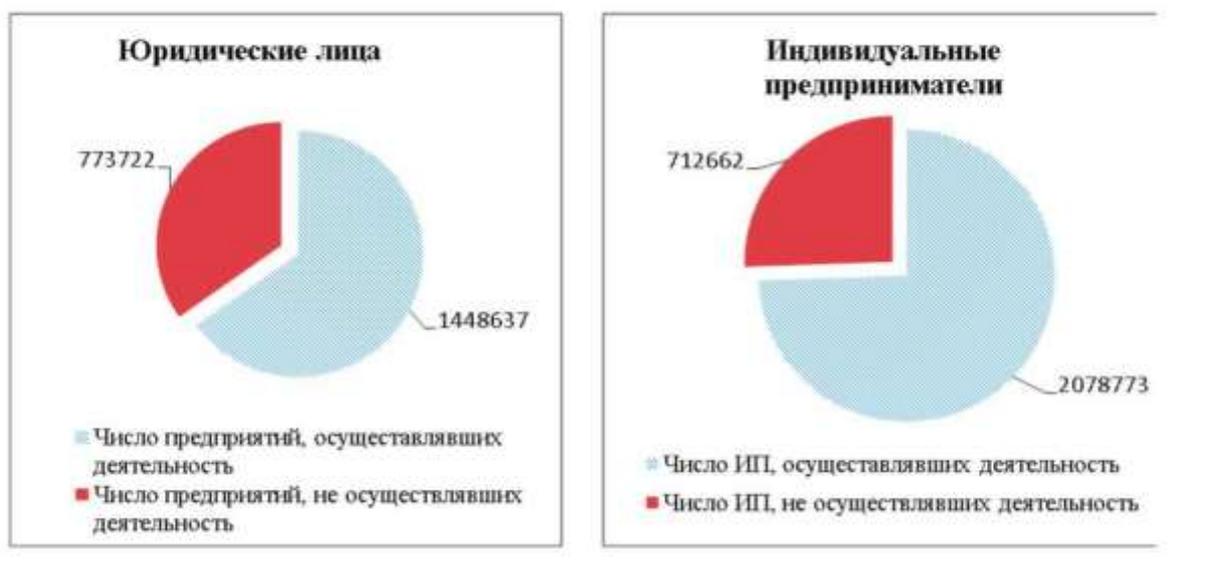

Рис. 2. Количество предприятий и индивидуальных предпринимателей, осуществлявших финансово-хозяйственную деятельность в 2017 году

По мнению российских ученых, основными причинами сложившейся ситуации являются:

- неэффективное использование инструментов государственной поддержки малого бизнеса;

- наличие отрицательного воздействия внешней среды;
- неполное соответствие инструментов управления малым бизнесом его специфике.

В последние годы мы наблюдаем отрицательную динамику развития малого и среднего предпринимательства. Удельный вес предприятий малого и среднего бизнеса в обороте российских поступательно снижается.

О сокращении деловой активности говорит динамика числа занятых в хозяйствующих субъектах малого и среднего бизнеса. В 2015 г. в этой сфере работало 18,4 млн человек, из них 73 % – это работники организаций, 27 % осуществляли трудовую деятельность у индивидуальных предпринимателей. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, на начало 2017 г. 15,8 млн граждан было занято в малом (в т.ч. микро) и среднем бизнесе, это 13,8 млн и 2 млн соответственно. Еще более выраженное сокращение можно наблюдать, сравнивая показатели 2010 и 2017 гг. (см. рис. 3).

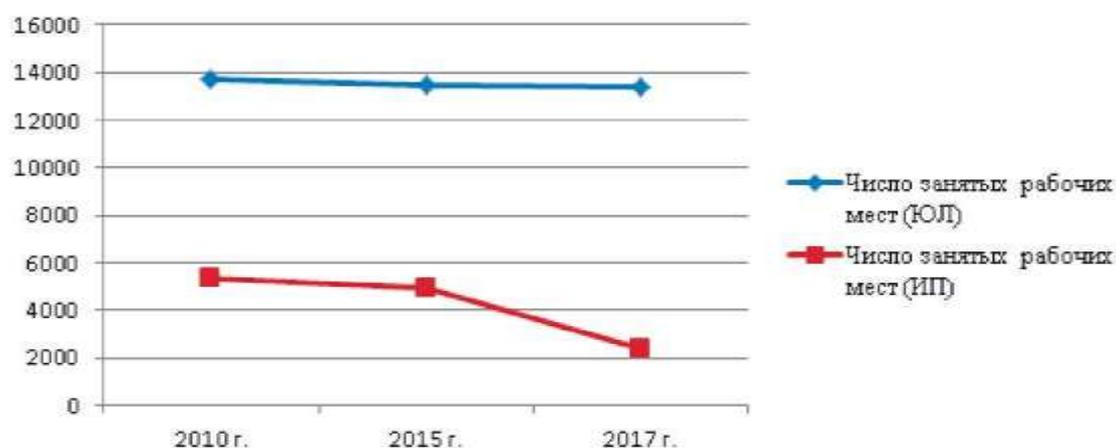

Рис. 3. Динамика числа замещенных мест, тыс. чел.

Следует отметить, что на развитие малого предпринимательства оказывают влияние множество факторов, в частности: общеэкономические условия развития государства или региона, уровень культуры предпринимательства, исторический опыт, восприятие предпринимательства, образование предпринимателей, затраты времени и средств, административные процессы и барьеры.

Учитывая международную практику, виды поддержки государства можно классифицировать по нескольким группам (см. рис. 4) [17, с. 63].

Рис. 4. Виды государственной поддержки предпринимательской деятельности

В Российской Федерации сформированы нормативно-правовые и организационные основы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Для предприятий малого бизнеса предусмотрены специальные налоговые режимы, которые позволяют оптимизировать систему бухгалтерского и налогового учета, а также налоговых платежей. Разработаны меры, обеспечивающие доступ малых предприятий к государственным закупкам. В субъектах Российской Федерации развивается инфраструктура информационно-консультационной поддержки малого предпринимательства.

Налоговые инструменты стимулирования можно классифицировать по двум признакам: снижение налоговой нагрузки и снижение косвенных издержек, связанных с учетным процессом (см. рис. 5) [15, с. 115].

Рис. 5. Налоговые инструменты стимулирования малого бизнеса

Необходимо отметить, что специальные налоговые режимы следует одновременно отнести как к снижению налогового бремени на малый бизнес, так их применение позволяет уменьшить платежи в бюджет, так и к снижению косвенных издержек. Такой результат достигается благодаря уменьшению числа уплачиваемых налогов, а следовательно, снижению объема налоговых регистров, налоговых деклараций. В то же время рядом авторов [16] отмечаются недостатки применения специальных режимов: отсутствие возможности заниматься отдельными видами деятельности, ограничение в количестве работников, а также запрет на открытие представительств и филиалов, что существенно ограничивает перспективы в расширении бизнеса.

Помимо налоговых инструментов организации учетного процесса для малого бизнеса в Российской практике предусмотрен ряд преимуществ в упрощении ведения бухгалтерского учета, что также позволяет снизить трудоемкость учетных работ и сократить затраты малого предпринимательства.

Следует отметить, что государственное регулирование предпринимательства необходимо как в целях обеспечения реализации публичных интересов общества и государства, так и для создания наилучших условий для развития предпринимательства.

Задачи государственного регулирования предпринимательства можно разделить на группы:

- охрана окружающей среды;
- выравнивание экономического цикла;
- обеспечение нормального уровня занятости населения;
- защита жизни и здоровья граждан;
- поддержка конкуренции на рынке;
- поддержка и развитие малого предпринимательства;

- специальные меры защиты прав предпринимателей и др.

Представленный перечень задач государственного регулирования предпринимательства свидетельствует о том, что государственное регулирование необходимо не только государству, но и самим предпринимателям.

В настоящее время в Российской Федерации создана современная, достаточная и полная нормативно-правовая база государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Правовой фундамент государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации составляют: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ (ч. I), 3. Федеральные законы Российской Федерации общего и специального назначения, другие федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства, нормативные акты федеральных и местных органов власти.

Так, Федеральный закон № 209-ФЗ закрепляет за органами государственной власти РФ полномочия по «определению принципов, приоритетных направлений, форм и видов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [8].

В Концепции 2020⁷ четко обозначены меры институционального характера, направленные на содействие развитию малого и среднего предпринимательства.

Стратегией развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г.⁸ определены основные направления государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе.

В рамках федеральной государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁹, реализуется подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства».

Регионы, реализуя мероприятия, направленные на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, могут получать федеральную поддержку в форме субсидий. Так, на сайте Федерального портала малого и среднего предпринимательства РФ представлена информация о предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства.

⁷ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (с изм. на 10 февраля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

⁸ Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. №1083-р (с изм. на 8 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 24 . Ст. 3549.

⁹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 (с изм. на 17 августа 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 – Ст. 2162.

Федеральные и региональные органы, осуществляющие поддержку малого и среднего предпринимательства, взаимодействуют друг с другом, посредством предоставления регионами отчетов об осуществлении ими расходов субсидий, результатах расходования бюджетных средств. На основании этих отчетов Министерство экономического развития осуществляет контроль, оценивает эффективность использования субсидии. Контроль за выполнением условий предоставления субсидий также осуществляет Казначейство РФ.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что для достижения указанных целей в рамках государственной политики по развитию малого бизнеса реализуется комплекс мер по осуществлению прямой и косвенной поддержки малого бизнеса, в том числе мероприятий, направленных на совершенствование институциональной среды, что приведет к расширению и увеличению количества субъектов малого и среднего бизнеса в регионах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. на 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс РФ (Ч. 1): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. на 29 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (Ч. 2) : федеральный закон от 26 января 1996 № 14-ФЗ (с изм. на 5 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (Ч. 1): федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. на 19 февраля 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3834.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (Ч. 2): федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. на 7 марта 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
6. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (с изм. на 31 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.
7. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (с изм. на 29 июля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
8. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (с изм. на 31 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
9. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (с изм. на 22

февраля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6249.

10. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 (с изм. на 17 августа 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ст. 2162.

11. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (с изм. на 10 февраля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

12. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. №1083-р (с изм. на 8 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24 . Ст. 3549.

13. Айрапетян М. Малый и средний бизнес как индикатор экономической активности // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 4. С. 43–54.

14. Паршин М. Совершенствование системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в 2017 году: переход к новому качеству // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 4. С. 35–42.

15. Популо А.А., Популо Г.М. Перспективы развития форм и методов государственной финансовой поддержки малого и среднего бизнеса // Экономика и современные менеджмент: теория и практика. 2015. № 45. С. 113–118.

16. Царев В.Е., Вершина Д.А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса: недостатки и механизмы // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 610–614.

17. Шумков, В. Поддержка предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Государственная служба. 2016. № 2. С. 63.

Об авторах

Бацын Андрей Николаевич – студент II курса магистратуры направления «Политология» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: proandrey2010@mail.ru

Белякова Наталья Алексеевна – студентка II курса магистратуры направления «Политология» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: hel_engels@bk.ru.

Бородина Мадина Сулумбековна – студентка IV курса направления «Социология» Института педагогического образования и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет». e-mail: madinaborodina@mail.ru

Бутузова Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: arnosha@mail.ru.

Гавриков Виктор Прокофьевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: fus.politology@tversu.ru.

Гаджиев Заур Алахверди Оглы – студент I курса магистратуры, направления «Политология», Тверского государственного университета, e-mail: zaur_gad@mail.ru

Гродь Артём Анатольевич – студент II курса магистратуры по направлению «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: fus.politology@tversu.ru.

Илюшин Артём Олегович – студент II курса магистратуры по направлению «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: thatsforsure@mail.ru.

Калтайс Вадим Александрович – студент II курса магистратуры по направлению «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: vadimkaltais@mail.ru

Киракосян Фрунзе Лерникович – студент II курса магистратуры кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: kirakosyan.frunze@mail.ru

Ковалева Ольга Владиславовна – старший преподаватель кафедры регионоведения факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: fus.politology@tversu.ru.

Козлова Наталия Николаевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: tver-rapn@mail.ru.

Константинов Кирилл Владиславович – студент II курса магистратуры направления «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: k.konstantinov1902@gmail.com:

Конфоркин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: konf71111@mail.ru

Конфоркина Алена Игоревна – студентка IV курса направления «Политология» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: akonforkina@mail.ru.

Курбанов Роман Тофикович – студент II курса магистратуры направления «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: 9040266777@mail.ru.

Курбанова Гюльшан Тофик кызы – студентка II курса магистратуры направления «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: gyulshan.kurbanova@mail.ru.

Монахова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры социологии Института педагогики и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: julya_monah@mail.ru.

Собранская Ирина Владимировна – студентка II курса магистратуры направления «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: i.sobranskaya@gmail.com.

Успенская Валентина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: v.uspenskaya2014@yandex.ru.

Чуракова Арина Константиновна – студентка III курса направления «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: svetlana775@inbox.ru.

Научное издание

Социально-политические процессы в меняющемся мире

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

Отпечатано с авторских оригиналов

Подписано в печать 29.11.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 6,125. Тираж 100. Заказ № 612.

Редакционно-издательское управление

Тверского государственного университета.

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.

Тел. РИУ (4822) 35-60-63.